

Юлия Шолох

СЕМЕЙСТВО ТЕНЯВЦЕВЫХ

Юлия Шолох
Семейство Тенявцевых

«1С-Публишинг»

2020

Шолох Ю.

Семейство Тенявцевых / Ю. Шолох — «1С-Публишинг», 2020

Перед нами мир отдалённого будущего, где люди живут очень долго, в пищу употребляется искусственное мясо, а космические просторы бороздят многочисленные шаттлы. Но даже в этом мире кое-что осталось неизменным. Например, сватовство. Свахи всё-то желают кого-нибудь осчастливить и привести к созданию семьи. В романе рассказывается история трёх сестёр. События развиваются на просторах от экофермы до далёкой космической станции. Говорят, если вам суждено встретить свою судьбу, то вы её встретите. Так ли это? Узнаете, прочитав книгу.

Содержание

Пролог	5
История первая. Нинель	8
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юлия Шолох

Семейство Тенявцевых

Пролог

Так случилось, что у четы Тенявцевых не получалось завести детей. Врачи уверенно заявляли – при естественном ходе вещей, шансов почти нет, эмбрионы ЭКО почему-то не приживались, хотя теоретическая вероятность провала двух десятков процедур приближалась к нулю. Но практическая сторона дела теорию игнорировала.

Так и вышло, что люди, обожающие детей, своих не имели. Тогда, собравшись однажды вечером под бутылочку вина и классический мюзикл «Три Зомбари из Млечного Пути», Максимилиан и Виола Тенявцевы, счастливые настолько, насколько можно быть счастливым, не имея главного, решили, что как только им исполнится сорок пять лет, попытки стать родителями следует прекратить. Хватит мучиться. Не суждено – значит, будут ещё сильнее любить друг друга и радоваться тому, что имеют.

Первым день рождения отметил Максимилиан. Тенявцевы закатили шумный праздник, пригласили сотню гостей и потратили на организацию вечера свой полугодовой заработок.

А через три месяца сорок пять стукнуло Виоле. Этот день никто не отмечал, предпочтя сделать вид, будто его и нет. Максимилиан возвращался с работы и думал, как же она там, дома. Ждёт. И помнит, даже если промолчать, что сегодня последний день, когда они ещё надеялись. Разве такое забудешь? Всё зря.

В жену он влюбился с первого взгляда, обожал все двадцать два года брака, и душа болела больше за неё, чем за себя самого. У него-то есть своё детище – ферма, которая заменила сына, а Виоле детей ничего заменить не смогло.

Он очень тихо вошёл в дом, шепнул личному виртуальному помощнику, в простонародье Липучке, чтобы открывала дверь в гостиную, где, судя по отсветам, уже был включён камин, в последний раз тяжело вздохнул, натянул на лицо улыбку и бросился в омут с головой.

Максимилиан ожидал увидеть жену такой же смелой, как всегда. Да, глаза опухнут, губы будут подрагивать, но она ни отведёт взгляда и ни словом не пожалуется.

Однако вместо этого нашёл Виолу сидящей за столом, занятую каким-то важным делом. Она напевала себе под нос и работала с тремя панелями одновременно – пальцы так и прыгали по экранам. Оглянулась на звук шагов.

– А, это ты, дорогой. Как день прошёл?

– Нормально. – Вот и всё, что удалось буркнуть Максимилиану.

Виола похлопала по стулу рядом с собой, тот услужливо развернулся.

– Садись, покажу, что я придумала. Только сегодня попало на глаза, а значит, это должно было случиться именно сейчас. Ты же знаешь, я верю в судьбу. Готов?

Максимилиан сел рядом, знаками прося у домашнего роботизированного помощника – биота чего-нибудь выпить. Тот молча налил и сунул в руку хозяина воды – единственное, что всегда носил с собой. Максимилиан выпил стакан одним глотком. Его радовало, что жена не впала в депрессию, но также пугала её жизнерадостность. Не зря же они прожили вместе двадцать два года, он чувствовал подвох.

– Смотри!

Виола развернула висящую в воздухе проекцию панели. На экране мельтешили счастливые детские лица, улыбки так и сияли! Светлые, тёмные, рыжие, с круглыми глазами и с узкими, с лопухие и с ушами, плотно прижатыми к голове, со всеми зубами и с половиной зубов. Разные, в общем.

Поперёк всего этого великолепия мигала надпись: «Ваши дети вас ждут».

Максимилиан тяжело вздохнул. Не зря он ждал сложностей. Но ради жены был готов на всё, особенно если ей станет легче принять неизбежное.

– Я слушаю, дорогая.

– Ну вот. Программу выдумали несколько лет назад, а узнала о ней я только сейчас. Это точно знак!

– Что за программа?

– По совпадениям. Смысл в следующем – делается анализ кода нашего с тобой ДНК. Код в электронном варианте у нас есть, мы делали сразу после свадьбы. Потом выводится средний код и по имеющимся маркерам ищется ребёнок из детского дома. Получается, послушай только! – что он будет по генам практически наш!

Максимилиан внимательно слушал.

– Максимальное совпадение генов! Да, я не выношу его и не рожу, однако он будет нам так близок, как только возможно. Обещают совпадение не ниже восьмидесяти процентов. Смотри, сколько положительных отзывов! «Словно родной сын», «Смотрю и вижу себя», «Каждый встречный только и замечает, как мы похожи!» Сколько людей эта программа сделала счастливыми! Смотри, тут можно задать параметры – желаемый пол и возраст ребёнка. Стоит заполнить заявку – и к утру у нас будет ребёнок, почти полностью повторяющий нас с тобой. И мы его, вернее, её, потому что я хочу девочку, удочерим.

Разговоры о приёмных детях у них тоже случались, но ничем не заканчивались – хотелось своих, плоть от плоти. Однако сейчас, когда других вариантов не осталось, почему бы и нет?

Максимилиан думал недолго. Как уже было сказано, ради улыбки на лице жены он был готов на всё.

– Я согласен.

Виола солнечно улыбнулась.

– Тогда я отправляю заявку?

– Отправляю? А разве ты уже заполнила?

– Конечно! Я долго тебя ждала. Смотри – пол – девочка, возраст от пяти до десяти, совсем маленькую не нужно, я не знаю, как с малышами обращаться. С другой стороны – хотелось бы успеть её вырастить и устроить, пока здоровье позволяет. Отправляю?

Максимилиан мог ответить только одно:

– Отправляй.

Виола тут же приказала своей Липучке:

– Отправляй.

Личный виртуальный помощник моментально послушался. Раздался звуковой сигнал, подтверждающий отправку сообщения.

– А теперь можно и отметить!

Виола подскочила с места и, придерживая подол домашнего платья, побежала в кладовку, хотя могла приказать принести вино биоту. Но он долго возится, а начать отмечать хотелось как можно быстрее.

Вечер, наступления которого так боялся Максимилиан, прошёл чудесно. Они сидели у камина, включив в комнате отображение домика в заснеженном лесу, Виола рассказывала про очередные курьёзные происшествия у соседей и задорно хохотала, а он подливал ей вино и слушал.

Его грела мысль, что их жизнь изменится, наверняка к лучшему. Будет ради чего работать, развивать ферму и копить деньги. Вернее, ради кого. А если девочка заинтересуется животными... он готов оставить ей всё! Это греет душу – знание, что твоё дело не развалится, а продолжится дальше. Год за годом, поколение за поколением – свой след в истории.

Да, мысли были приятными.

Утром жена вскочила ни свет ни заря. Растолкала мужа, села, опираясь спиной на подушки, – розовощёкая и мило взволнованная.

– Вставай! Ответ должно быть пришёл. Липучка, выведи экран.

Максимилиан продрал глаза и зевнул.

– Есть два сообщения с пометкой «Реклама».

– Удаляй! Ещё?

– Ещё одно сообщение с пометкой «Срочно», – заявила Липучка.

– Выводи немедленно!

Виола сжала одну руку в кулак, а второй – руку мужа. На удачу.

– Уважаемая Виола Теняцева, – раздался мужской голос. – В ответ на ваш запрос сообщаем – в нашей базе обнаружено семь совпадений от 82 до 87 процентов наличия маркеров вашего совместного генома. В прилагаемом файле подробности. Жду вашего решения.

Сообщение закончилось, и Липучка тут же отключилась.

В комнате воцарилась тишина. Максимилиан скрипел мозгами, пытаясь перевести услышанное на человеческий язык. Обнаружено... семь совпадений? Семь?!

– Семь?.. – одновременно произнесла Виола, обращая к нему изумлённое лицо. – Он сказал...

– Что у них семь девочек-сирот, которые нам подходят. Семь!

У Виолы медленно отвалилась челюсть, щёки покраснели.

А потом зажглись глаза.

История первая. Нинель

Тот памятный вечер, который сделал их родителями семерых дочерей, Максимилиан помнил так чётко, будто это случилось вчера.

Годы пролетели быстро, быстрее, чем хотелось бы. Но несмотря на это, и несмотря на трудности, которые с появлением детей свалились на чету Теняцевых подобно снежному кому, который неожиданно валиться на голову, он ни разу не пожалел о принятом решении.

И когда Максимилиан бурчал или ругался (по-своему, самому себе под нос), то делал это только из важности. Ну и в целях воспитания, как-никак хозяин большой семьи, отвечающий за её благополучие.

Однако был человек, которого он не смел задевать и даже побаивался, исключительно из уважения – собственная жена.

Вот и сейчас Максимилиан вернулся с работы, когда все домашние уже давно легли спать. Так как жилые комнаты располагались на втором этаже дома, на первом можно было шуметь, сколько влезет.

– Все дома? – спросил он у Липучки, разуваясь или скорее, стряхивая ботинки на пол. – Проверяю... Все дома.

– В своих комнатах?

– Проверяю... Все в своих комнатах за исключением Виолы.

– А она где?

– Ждёт вас в кабинете.

Ну вот! Его взгляд быстро пробежался мимо кухни в сторону виртуального игрового зала, где можно было бы спрятаться.

Не успел.

– Дорогой!

Виола стояла на пороге кабинета. Вначале Максимилиан замер, а потом расплылся в улыбке – всё же она у него красавица. В этом фиолетовом платье до пола – прямая, эффектная, и талия, несмотря на возраст, на месте, и цветы в локонах.

Взгляд вот только слишком добренький. И голос слишком сладенький.

– Ты сделал, что я просила?

Максимилиан воровато оглянулся на лестницу, ведущую на второй этаж, вздохнул, понимая, что не скоро попадёт в спальню и ответил:

– Пошли в кабинет, всё расскажу.

Жена позволила ему пойти первому и послушно шла следом, почти не издавая сердитого сопения.

В кабинете Максимилиан упал на стул и спросил:

– А ты уверена? Не нравится мне всё это.

Виола степенно уселась напротив.

– Конечно, уверена!

– Да ты же видела его всего несколько минут? С чего ты взяла, что он подходит в мужья нашим девочкам?

– Во-первых, несколько минут мы разговаривали, так, о ерунде, а всё важное я и без его участия узнала. Видел его страницу в сети, во Всемирке? Он всегда общается корректно и по делу. А историю его просмотров?

– Как тебе удалось залезть в историю его просмотров? – нахмурился Максимилиан. – Это незаконно!

– Я же не могла отдать нашу дочь, не убедившись, что он достойный человек! В истории всё чисто – работа, работа и ещё раз работа. Он работает с двадцати лет, представляешь?

– Тоже мне удивила. Половина наших дочерей работают с пяти.

– Да, но на семью. Да и по правде, какая там работа? Больше игра! А он открыл кондитерский киоск и стал работать на себя! Отличный кондитер. А через семь лет у него уже сеть. Лучшие сладости из самых качественных, натуральных ингредиентов. Это честь, что он хочет закупать нашу продукцию.

– На нашу продукцию и без того хороший спрос! Сейчас мало желающих держать в хозяйстве живую корову и кур. Большинство считает, что разницы между настоящими и синтетическими молоком и яйцами нет, а те, кто не считает, готовы хорошо за экопродукты платить.

– Но недостаточно хорошо. А насчёт разницы, ты прав – он считает, есть! Говорит, дело в мелочах, тонкостях, оттенках вкуса. Он идеально подходит. Да, да, не морщись! Отличный кондитер, трудолюбивый до чёртиков и способный различать нюансы практически одинакового вкуса. Он просто идеально подойдёт нашей Нинель!

Максимилиан опешил.

– Как Нинель? Трудолюбивый до чёртиков кондитер нашей лентяйке, мечтающей питаться одними сладостями? Да пожалей парня!

Взгляд и голос Виолы заледенел. Она ещё больше выпрямилась и процедила:

– Надеюсь, ты сейчас шутишь?

– Нет, – заупрямился Максимилиан, совсем не к месту демонстрируя мужскую солидарность. – Я до сих пор сержусь на неё за тот случай с дойкой! Всего-то навсего надо было принять новые аппараты и расписаться за их получение. А она что? Пригласила доставщиков себе в комнату, где улеглась на кровати с компрессом на лбу, в пижаме, с синим лицом, будто вот-вот помрёт! Все в округе смеются, говорят, я даже мёртвого работать заставлю!

– У девочки болел живот!

– Сладкого нужно было меньше есть. – Максимилиан отвернулся, утомившись от спора.

– Дорогой, ну не злись. – Виола смягчилась, подошла, принялась массировать ему шею и плечи. Мышцы на глазах расслаблялись, муж добрел. – И не говори так хотя бы на людях. Они могут подумать, что ты её не любишь. А я ведь знаю, она тебе очень близка. Вы можете сердиться друг на друга сколько влезет, но, если нужно, сделаете друг для друга всё и даже больше.

Голос жены убаюкивал, массаж расслаблял, Максимилиан прикрыл от удовольствия глаза.

– Ну так ты попросил его приехать и лично убедиться, что наше производство экологически чистое? Идеальное!

Что на это сказать? Разве можно переубедить женщину, которая руководствуется желанием кого-то осчастливить? Максимилиан вздохнул и смирился.

– Да. Он прилетит послезавтра.

Завтрак в их доме всегда походил на шумную карусель. Круглый стол, посреди которого механизированный повар-подавальщик, много стульев и трёхмерный телевизор под потолком.

Сегодня на завтрак подавали овсянку. Когда Нинель вышла из комнаты, поправляя домашнее платье (Виола требовала от дочерей даже в домашней одежде выглядеть превосходно), родители ещё не явились. Младшие сидели вместе, о чём-то хихикали и шептались, Мария и Яу смотрели новости. Первая была в голубом платье, вторая в розовом. Обоим платья невероятно шли.

Нинель с тоской покосилась на своё бежевое с клетчатыми вставками, скучное, но зато не душное, плюхнулась рядом с Марией и пробормотала:

– Кофе.

Подавальщик тут же занялся приготовлением заказа.

Снова взглянув на сестёр, Нинель спросила:

– Чего нового?

– Объявлен набор в новую колонию на Зерест, – не отрывая взгляда от экрана, сообщила Мария.

– Да плевать на Зерест! У нас чего нового?

Яу фыркнула. Носик на её тонком изящном личике забавно сморщился.

– Не выражайся.

– Нет же никого.

Мария пожала плечами, осторожно, чтобы не сбить на бок свои чудные белоснежные кудри и высокомерно поинтересовалась:

– Чем тебе не угодил Зерест?

– Тем, что он далеко. Расскажи лучше, что там вчера было на балу у Звягиных?

– Ну... – Яу прижала указательный палец к губам и задумалась.

– Нужно было самой идти и смотреть! – Мария отвела взгляд от новостей и нервно расправила рюши на платье, хотя они были отглажены и лежали идеально.

– А сложно сказать?

– Нет, не сложно. Говорят, старая Ватрушкина подхватила где-то скоромную болезнь и собирается на Луну, в изолированный санаторий, лечить её инкогнито. – Бодро отрапортовала Мария и мстительно улыбнулась.

– Фу! Не о таких новостях! Фу, ну не за завтраком же! Отчего вы сегодня такие вредные и недогадливые? Прямо говори – болтали там о продаже земли или нет?

– Нет! – Яу улыбнулась, привычно сглаживая ссору между двумя сёстрами. Обе уродились жутко упрямыми и не желали друг другу уступать даже в мелочах. – Враньё это всё, ничего не собираются они продавать. Даже больше – Звягин сказал, что планирует в следующем году сажать лаванду, она, мол, будет в новом сезоне в моде.

– Всё равно у тебя нет денег, чтобы купить землю. – Едко вставила Мария.

Нинель только открыла рот...

– А ещё, – Яу покосилась на младших, а потом наклонилась к сёстрам и зашептала. – Ещё говорят, что мама интересовалась вчера у соседей их сыновьями. Говорят, она хочет найти нам женихов.

– Врут, – буркнула Нинель, чью светлую голову больше волновал вопрос, где достать деньги на покупку земли. Ей хотелось свою ферму, где она станет разводить овец. Всё рассчитано – шерсть пользуется спросом и, как любой натуральный продукт, стоит бешеных денег. И ухода за овечками особого не нужно – пустил на поля и пусть себе гуляют, травку щиплют.

Конечно, в наше время с голоду не помрёшь, даже ничего не делая, но жить в стандартизированной клетушке и питаться выверенной по содержанию витаминов и минералов смесью для поддержания жизненно важных функций организма неприлично! Таких людей презирают и уж точно не станут на них равняться.

– Ничего не врут! – возразила Мария. – Мне тётка София тоже говорила, когда слишком много приняла за ужином, что мама давно, когда нас только взяли, обещала выдать нас, как только повзрослеем, замуж! А вы знаете, какая она упёртая.

– Надеюсь, это неправда, – смягчила ужасную новость Яу. – Мне вовсе не хочется замуж!

– Никому не хочется, – педантичным тоном сказала Мария.

Нинель зевнула. В её голове по мягкой травке бегали и резвились овечки, которые позволят ей плашмя лежать неподалёку, наслаждаться свободой и ничего не делать. Никому не быть ни за что обязанной.

Нет, она благодарна, конечно, за то, что ей подарили семью, но свободу выбора никто не отменял!

– Доброе утро!

Показались родители, которые неторопливо подходили к столу. Дочери дружно вскочили и присели в реверансе. Нинель снова подумала, увидев их вдвоём, что это одно из самых приятных зрелищ, которое только можно вообразить. Вот бы найти свою половину, чтобы в старости было кому так же тепло улыбаться.

– Доброе утро!

Виола просто светилась. Её причёска, как обычно, была идеальной, а цвет лица здоровым. Максимилиан, наоборот, не выспался, вероятно, сидел в игровой до утра, играл в виртуальную леталку. Все в семье знали о его пристрастии к космическим играм, где нужно отстреливать корабли неприятелей.

Камзол отца топорщился в районе спины, а широкий подбородок был покрыт седой щетиной.

– Рада всех видеть в добром здравии. Овсянку с ягодами и чай, – попросила Виола подавальщика.

– Чёрный чай без сахара, – простонал Максимилиан.

Все уселись на свои места. Младшие девочки по правую руку от родителей, старшие по левую. Завтрак продолжался.

– До летних каникул две недели, – Виола поглядела на младших. – Помним, что расслабляться рано? Умницы! И вот ещё, кто не сдаст годовые тесты, не поедет на море.

– Совсем? – воскликнула Анника. – Ни на денёчек?

– Ни на денёчек, – спокойно подтвердила Виола.

– Будет вместо этого пасти коровок, – страшным голосом сказала Мария.

– Не пасти коровок, а следить по камерам за биотом-пастухом! – недовольно поправил Максимилиан, который каждый камень в сторону своей любимой фермы воспринимал с обидой. – Вам стоит поучить историю и сравнить, как пасли коровок в прошлые века и как пасут в наше время! Это совершенно разные трудовые нагрузки!

– Прости, папа, – Мария тут же примиряюще улыбнулась. – Я неудачно пошутила.

Все дружно замолчали и опустили глаза в тарелки.

Однако не прошло и двух минут, как Виола вновь заговорила:

– Мария, как твои занятия по живописи?

– Спасибо, мама, всё в порядке. Я придерживаюсь заданий и очень довольна новым онлайн-преподавателем.

– Замечательно. Нинель, скоро деревенский праздник шеста с лентами. Осталось чуть больше месяца. В детстве ты его обожала! Никто не носился столько времени вокруг столба, как наша Нинель. В этом году тоже пойдёшь?

– Нет. Ничего не хочу, – Нинель подпёрла щеку кулаком и со слепой ненавистью уставилась на овсянку, которую ей пододвинул подавальщик. – Можно я просто буду сидеть в своей комнате и не выходить?

– То есть как? А воскресное чаепитие?

– Не хочу.

– Шопинг с сёстрами?

– Скукота.

– Милая, может быть, у тебя депрессия? Давай пригласим доктора Василевска?

– Нету у меня депрессии!

– Смотри-ка, ты повышаешь голос! Раздражительность – первый признак депрессии, – с нарастающей тревогой воскликнула Виола.

Нинель покраснела, опустила глаза, слушая, как хихикают сёстры.

К счастью, не получив ответа, Виола тут же переключилась на остальных девочек, интересуясь делами каждой. Всё-таки когда в семье много детей, в этом есть свои плюсы – родительское внимание хочешь не хочешь рассеивается, а не проецируется на одном объекте.

– Яу, детка, тебе завтра особое задание – придётся встретить нашего нового поставщика. Показать ему ферму. Создать хорошее впечатление о нашей семье. Мы надеемся, заказы увеличатся, закупочные цены возрастут, тогда в следующем году мы сможем полететь в отпуск на Цирцею!

– Я? – Глаза у Яу стремительно расширились. – Но почему я?

– Боюсь, мы с отцом будем вынуждены уехать по делам. У Марии в это время запланирован урок живописи, у Нинель депрессия, так что остаёшься только ты. Не волнуйся и не бледней так! Я уверена, ты сделаешь всё, как нужно.

Нинель собралась было возразить, что никакой депрессии у неё нет, но осеклась, сообразив, что тогда, вполне вероятно, встречать закупщика отправят её. А это ведь выходить из дому, утруждаться...

– Его зовут Эрим. Эрим Бослонцев. Вы должно быть, слышали?

Младшие тут же оживились, забыв, о чём болтали секунду назад. Глаза разгорелись, щёки заалели.

– Это не тот ли Бослонцев, который владеет кондитерскими по всему округу? – слишком покладистым тоном спросила Мария.

– Он самый! Очень, очень приятный молодой человек. Серьёзный, воспитанный, обеспеченный. Симпатичный, – подумав, добавила мама. – Я бы гордилась таким сыном.

Мария скорчила мину, а Яу так и сидела, широко открыв испуганные глаза и практически не дыша.

– Но мама... – прошептала она из последних сил.

– Так, значит, решено. Заканчиваем завтрак и за работу!

Виола не собиралась никого слушать, сказано делать – делай. Да и как иначе, если у тебя семеро дочерей, каждая из которых так и норовит раскапризничаться?

Нинель ещё немного посмотрела на овсянку. Хотя там плавали ягоды черники и малины, но хотелось не овсянку, а пирожное, к примеру. Это упоминание о кондитерских... Разве бывают на свете места, более привлекательные, чем кондитерская? Чтобы пахло кофе и ванилью, глаза радовали цветы из радужного масляного крема, и ты стояла среди подносов, полных разнообразных вкусностей и выбирала. Жалела, что можешь съесть всего одно-два, а не сразу всё.

Перед глазами так и замелькали бисквиты, корзиночки, безе и птифуры.

Нинель даже вздохнула, когда поняла, что замечталась и на самом деле всей этой прелести вовсе не существует. А потом увидела Яу. Сестра сидела, понурившись, и её губы дрожали. Нинель быстро-быстро отвела глаза, сделала вид, будто ничего не замечает.

День пошёл своим чередом: учёба, работа, совместный обед и ужин.

К вечеру Яу совсем раскуксилась. Старшие сёстры часто собирались перед сном у Марии, обсуждали, как провели время, чем занимались, сколько работы переделали, ну и без сплетен не обходилось, конечно, хотя они старались держать себя в руках. Собрались и сегодня.

Яу была квёлая, несчастная, даже её каштановые крутые кудряшки, аккуратно собранные на макушке и украшенные ниткой жемчуга, вяло поникли. Нинель отошла от обычного своего поведения – скучающего всезнания и показного равнодушия, веселила сестру как могла, но результата достичь не сумела.

– Да что с тобой такое? – рассердилась, в конце концов, Нинель. – Зачем устраивать такую трагедию? Тебя же не в рабство продали! Ну встретишься ты с этим великолепным, прости господи, молодым человеком, ну поболтаешь немного о том о сём – что тут такого смертельного?

– Разве ты не понимаешь? – еле слышно ответила Яу. – Мама не просто так его пригласила. И меня отправила его встречать не просто так. Она хочет выдать меня за него замуж!

Нинель закатила глаза:

– Ну понятное дело, хочет. Но ты же не обязана ей подчиняться.

Голос Яу дрожал от волнения.

– Если мама что-то решила, я не смогу ей противиться. Я ей стольким обязана. Я не смогу, нет.

Яу сглотнула и зажмурилась.

– А ты что думаешь? – спросила Нинель Марию, которая сегодня была на редкость молчалива и только и делала, что стреляла своими голубыми глазами. – Ты бы смогла противиться маминому решению? Отказаться выйти замуж, если бы она прямо приказала?

Та с жалостью посмотрела на Яу и ответила:

– Наверное, нет.

– Ну вы даёте! – Нинель рассердилась ещё больше, прищурилась, почти чувствуя, как из глаз сыплются искры. – Я бы запросто смогла!

– Но ведь это не тебя посылают завтра встречать этого... этого... жениха! – в отчаянии крикнула Яу. Слово «жених» прозвучало в её устах жутким оскорблением, прямо словно монстра-людоеда какого-то помянули.

– Ну всё! – Нинель вскочила, расставила ноги и упёрлась руками в бока. Ей казалось, у неё даже щёки запылали, настолько она рассердилась. – Хватит плакать. Я пойду вместо тебя! Скажу, что я – это ты, наплету что-нибудь ерундовое и выставлю его прочь несолоно хлебавши.

– Правда?

Обе сестры уставились на Нинель, словно она пообещала убить и закопать этого гостя на газоне.

Даже Марии стало не по себе. Она, хоть и храбрилась, так же боялась врать матери. Так же боялась идти наперекор или не выполнять полученные от родителей задания. А тут – настоящая подмена!

– Но нам нужен этот закупщик!

Нинель хмыкнула, снисходительно скосив глаза:

– Сидите в комнате и ждите. Клиента мы не потеряем, не бойтесь. А насчёт остального, увидите – после завтрашнего, даже если мама прикажет, он ни за что и никогда не женится ни на одной из Тенявцевых!

Звучало как смертельная клятва. Даже молчание грозное воцарилось.

Сказано – сделано.

На следующий день после завтрака, когда родители улетели, прихватив младших сестёр, Нинель вырыла из платяного шкафа старый рабочий костюм, выцветший и потёртый, да ещё и маловатый, прихватила расхлябанные сапоги отца и его самую непрезентабельную джинсовую панаму, заплела косу так, чтобы волосы во все стороны торчали и отправилась встречать поставщика.

Продумав полночи, Нинель выбрала для дела роль дурочки, которая, впрочем, умеет много и хорошо работать. Это чтобы не провалить задание – всё-таки завлечь крупного закупщика и полететь на Цирцею хотелось. Так что грубить нельзя и измываться нельзя, нужно просто пресечь всяческие матримониальные планы, заменив их на деловые.

– Камеры отключены, – влезла Липучка. Ура. Яу справилась, отключила слежку с домашнего пульта! А то вдруг по возвращению родители захотят посмотреть, как провёл время гость, а дочь тут в непрезентабельном виде, да ещё и не та! Расстроятся ещё, лучше подстраховаться, позаботиться о Виоле и Максимилиане, лишить их повода волноваться по пустякам.

И вот на пороге комнаты появилась сама Яу. От переизбытка чувств она вся дрожала.

– Липучка говорит, он подлетает!

– Иду.

Нинель выскочила и побежала вниз. В последний раз взглянула в зеркало, парящее у стены в холле. Просто картинка! Тёмно-русовая коса, светло-карие глаза и морковная помада на губах – всё это великолепии увенчано дряхлой панамой.

Сунув руки в карманы, она прошла мимо сестры, подмигнула той и, напевая и стуча каблуками, направилась в сторону фермы.

Площадка для флаек располагалась прямо по дороге – тёмно-серое пятно с жёлтой разметкой среди зелёного поля травы.

Нинель успела вовремя – гость подлетал.

Флайка у него была чёрная, вытянутая, обтекаемая, так и блестела лаковыми боками на солнце. На верхней части сверкала эмблема одной из самых известных фирм – орёл. Летательный аппарат завис над площадкой и стал медленно опускаться вниз. В последний раз вздрогнув, флайка уселась на поверхность и затихла. Дверца открылась, гость высунулся из флайки, спрыгнул на землю и выпрямился. Стал оглядываться.

Вначале Нинель собиралась броситься вперёд, размахивая руками, но решила подождать и вначале его хорошенько рассмотреть.

Итак, высокий, хорошо скроенный, хотя и довольно худощавый, светленький и главное – кудрявый. Волосы хоть и короткие, но видно, что плотно вьются. А одет, ну курам на смех – в светлые брюки и плотный модный пиджак.

Ага, гость тоже нашёл взглядом Нинель, больше-то никого рядом не было. В отличие от неё, Эрим не стал беспардонно глазеть, а сразу пошёл навстречу. Остановился напротив, слегка поклонился.

– Добрый день. Я Эрим Бослонцев, у меня назначена здесь встреча с Максимилианом Теняцевым.

Голос у него был спокойным, очень приятным. И посмотрел он с интересом, но без высокомерия. Скорее, с долей недоумения. Нинель даже чуть не покраснела, представив, как выглядит в своём нелепом костюме со стороны, но вовремя вспомнила о главной цели.

– Добрый день! Я вас жду. Я дочь Максимилиана, Яу. К сожалению, отец не смог прийти из-за важного дела и поэтому отправил меня. Я его первейшая помощница и всё умею! Насколько я понимаю, вам нужно показать ферму, чтобы вы убедились, что наши продукты действительно натуральные? Я это могу!

Эрим нахмурился. Впервые в его взгляде мелькнуло что-то неприятное. Насмешка?

– Я рассчитывал, что меня встретит Максимилиан.

– Как видите, я не Максимилиан, – не сдержавшись, огрызнулась Нинель.

– Сложно не заметить.

Решив не спорить, она развернулась.

– Прошу следовать за мной.

Большую часть зданий фермы соединяли чистые комфортабельные дорожки, но Нинель, недолго думая, потопала прямо по газону. Учтывая, что пару дней назад прошёл ливень, ходить по земле было удобно только в сапогах.

Весело чавкая по грязи, Нинель со злорадством представляла, что Эрим в его новейших ботинках как пить дать опозорится. Разозлится, покроется красными пятнами... чёрт, разве ей нужно его злить? Вдруг совсем уедет?

Нинель тут же остановилась и обернулась. Опасение потерять клиента моментально развеялось, так же, как и раскаяние. Эрим и не думал шуровать по газону, а стоял на площадке, чего-то ожидая.

– Э...

Нинель вернулась, строго посмотрела на него снизу-вверх. Нервировало, что он гораздо выше, но она постаралась ничем себя не выдать.

– Что-то не так?

– Разве у вас нет гравитационных платформ?

Конечно, они были. Иногда на ферму привозили туристов, и отец возил их на платформе, чтобы не утруждались, перебирая ножками. Только откуда он знает?

– В ремонте, – сквозь зубы процедил Нинель.

– Дорогая Яу, – Эрим улыбнулся широко и открыто. – Тогда, возможно, вы найдёте другой путь? Не хотелось бы испачкать туфли.

Ха! Вот он и признался, что городской неженка.

– Вы боитесь испачкаться? – Нинель скорчила презрительную мину. – Но ведь это ферма. Мокрая земля – не самое страшное, что может прилипнуть к вашей обуви на ферме.

Подумав, она собрала слюну и плюнула в сторону, как герои старых ковбойских фильмов. Вышло не очень, плевков чуть было не сдуло ветром и не бросило ей на штаны.

Услышав смешок, Нинель покраснела.

– И всё же, милая Яу, давайте прогуляемся. Я вижу чудесную дорожку в нескольких метрах правее. Позвольте вас проводить.

Он тут же схватил Нинель за локоть и потащил к дорожке. От неожиданности она забыла перебирать ногами, споткнулась носком сапога об траву и чуть не проехала носом по земле. Эрим отличился невероятной реакцией и успел её подхватить.

– Кажется, вы выбрали себе обувь не по размеру, – покачал он головой с сожалением. Нинель поняла, что висит в его руках, смотря выкатившимися глазами, и что это уже как минимум второй случай её унижения. Её, не его!

Она выскочила из его рук, как ошпаренная и откашлялась. Строго проговорила, пытаясь перехватить инициативу:

– Следуйте за мной.

Пришлось идти по тропинке, зато первой. Господин Бослонцев молчал, Нинель судорожно придумывала, чтобы такого сделать. Пока в рамках плана получилось осуществить только одно – выставить себя дурочкой. Тут само собой всё случилось, даже напрягаться особенно не пришлось. Возможно, потому, что она на самом деле того? Хм.

– Может, расскажите что-нибудь о своём хозяйстве? – Раздался голос из-за спины и Нинель от неожиданности вздрогнула. Так задумалась, что обо всём забыла!

– Да, конечно.

Пришлось отодвинуться, позволяя гостю пойти рядом, – не будешь же говорить, вывернув голову назад.

– На нашей ферме живут более двухсот коров и огромное количество птицы. Это первый блок, к которому мы подходим, за ним выгон, видите? Там коровы прогуливаются, дышат воздухом, ниже в ложбине имеется водоём, где они могут купаться, если захотят. Вон навесы от солнца. В конце здания, видите? Угол из коричневого кирпича торчит? Это отдельное помещение для старушек. Они доживают свой век в покое, делают что хотят. Сами можете убедиться, что наше производство ничем не ущемляет права животных. Птицеферма дальше, отсюда её не разглядеть.

– И сколько у вас птицы?

Нинель покосилась – Эрим был совершенно серьёзен.

– Семь тысяч триста двадцать девять особей, – отрапортовала она. – Вчера только пересчитывала.

Поймав изумлённый взгляд, засмеялась.

– Шучу. Ну кто же считает птицу?

Вот, кажется, гость насупился. Не любит чего-то не знать?

Нинель довольно улыбнулась и продолжила:

– Вот мы как раз подходим к входу, откуда видна работа доильщиков. Доят корову дважды – утром и вечером. Но иногда бывает, нужно подоить в течение дня, ну, по показаниям ветеринара или если телёнок есть. Тогда за ними отправляется дрон. Определив нужную корову по номеру на ошейнике, он цепляет её за рога и приводит в здание. Показать?

– Нет. Достаточно рассказа, – прохладно ответил Эрим. Он так выпрямился и задрал подбородок, что почти звенел от напряжения.

– Так вот, дрон цепляет её за рога и ведёт на дойку. Давайте войдём внутрь. Осторожно, тут порог. Вот тут их доят, этим аппаратом. Видите, четыре насадки? Это потому что у коровы четыре соска на вымени!

Нинель радостно улыбнулась, находясь в восторге от собственной сообразительности. Она его сделает!

Или нет? Нужно больше стараться, решила Нинель и всё-таки приказала дрону привести какую-нибудь корову на дойку. Гостя тем временем повела дальше.

– Вот видите, коровы, прямо за этим низким заборчиком? Они не хотят гулять. Хотите подойти поближе?

Эрим подошёл. Нинель дождалась, когда расфуфыренный гость окажется напротив ближайшего коровьего зада и вскричала:

– Ой! Что же вы делаете? Никогда не подходите к корове сзади!

Он быстро перешёл вбок.

– Это потому что она меня пнёт?

– Нет, совсем не поэтому! – воодушевилась Нинель. – Она... сзади у коровы... В общем, отмываться придётся долго, а костюм так и вовсе выбросить. Да и само унижение – такое вы не скоро позабудете.

Вот, наконец-то! Гость сморщился, поджал губы.

Миссия была выполнена. В душе Нинель потирала ручонки и предвкушала, как будет хвастаться своими победами перед сёстрами.

– Спасибо за предупреждение, – почти процедил Эрим.

– Но зато сами видите – все коровы у нас чистенькие и весёлые. Молоко у них сладкое, пальчики оближешь. Чего-чего, а в производстве молока нашим бурёнкам равных нет!

– Не сомневаюсь.

– О, когда вы посмотрите все наши уголья, то наверняка захотите остаться у нас жить.

– С чего бы это?

Гость явно чувствовал себя не в своей тарелке. Превосходно!

– На самом деле, скажу по секрету, обычно мы просто водим туда-сюда гостя, вскользь показываем помещения и зверюшек, и сразу отправляем обратно. Но вы... вас я, пожалуй, ознакомлю с нашей фермой досконально! – Нинель постаралась вылупить глаза и добавила: – Я до вечера совершенно свободна!

– К чему же так утруждать? – поспешил поинтересоваться господин Бослонцев. – Прошу не оказывать мне излишнего внимания, обычной ознакомительной экскурсии будет достаточно.

Самое время последовать его намёку и проводить в дом, где показать стерильные образцы продукции, дать продегустировать, а после отправить восвояси с прайсом в руках.

Нужно было так и сделать!

Но тут дрон привёл корову на дойку. И Нинель понесло, уж очень хотелось закрепить результат. Хотелось подольше хвастаться сёстрам своей находчивостью.

Корова вошла в стойло, биот-работник вымыл ей вымя и уже потянулся было за аппаратом для дойки, как тут Нинель его отключила.

– Сейчас, сейчас, позвольте отнять у вас ещё всего минуточку. Иногда, вы представьте только (!) – аппараты ломаются. И нам приходится доить корову вручную. Я умею это делать с шести лет. Я сейчас вам покажу.

– Может, в другой раз?

Но Нинель было не остановить. Она схватила пластиковое ведро, низкую табуретку и уселась возле коровы, вытянув ноги по бокам от ведра.

– Чтобы подоить корову, нужно аккуратно схватить её за соски и потянуть вниз, по очереди надавливая пальцами сверху вниз. Вот так.

Нинель бодро заработала, струи молока полились в ведро, звякая об дно. Она почти запела от самодовольства. Только через несколько минут, довольная собой, встала, вытерла руки о штаны.

– Вот так и доят коров!

– Вижу, вы улыбаетесь. Вы действительно их любите. И очень хорошо за ними ухаживаете.

Да, так оно и было. Но что это? Что это за странное трепещущее в груди чувство, вызванное его словами и тёплым тоном?

Нет, хотя её сердце забилось от лести, а дыхание на миг остановилось, голова требовала сохранить здравомыслие и следовать плану.

– А вы не хотите подоить корову? – сладко спросила Нинель. И сделала ошибку.

Она запрокинула голову и посмотрела гостю прямо в глаза. Вызывающе, с прищуром, уже торжествуя свою победу. Ей бы стоило отвернуться, не выходить из роли глупенькой фермерской дочки, но бахвальство победило. «Быстрее сдавайте и отступай с поля боя, городской пижон. Всё равно ведь побоишься испачкать ручки», – говорил её взгляд. Губы вслед за взглядом растянулись в кривой ухмылке.

Через несколько секунд что-то изменилось. Нинель стремительно опомнилась, отвела взгляд, но было поздно.

Давай сделай вид, будто не услышал! Просто развернись и уйди, – мысленно просила Нинель. И вместо этого слышала твёрдое и насмешливое:

– С удовольствием попробую.

Потом гость поднял ладони к лацканам пиджака, легко снял его, бросил небрежно на стойку с доильным аппаратом. Шагнул к корове, примерился и, подтянув брюки вызывающе отточенным жестом, сел на скамеечку.

– Как вы говорили, нужно тянуть за соски? – спросил словно невзначай. – Нежно?

В щёки Нинель хлынула кровь. Даже если бы сильно захотела, она бы всё равно ничего не смогла ответить.

– Ах вот так!

Эрим сжал пальцы и заработал первую струйку молока. Потом вторую. Через несколько секунд он действовал так уверенно, будто всю жизнь только тем и занимался, что доил коров. И когда корова, устав стоять на месте, переступила, ткнув его боком в лоб, он спокойно положил животному на бок руку и отодвинулся.

Это был разгром.

Нинель ещё пыталась спасти ситуацию. Болтала что-то нелепое о бабочках и слепнях, о витаминах и курах, но было поздно. Она почти слышала, как невозвратно, катастрофически рушится всё, чего она хотела – отвадить Эрима от их дома.

Нельзя было бросать вызов, но кто же знал, что городской так отреагирует!

Она всей кожей чувствовала его интерес. Оставалось молиться, чтобы это было обычное любопытство.

Когда фляжка гостя растворилась на горизонте, Нинель разрешила своей натянутой улыбке сползти с губ. Щёки жутко болели. Голова опухла от осознания своего провала.

Она добрела до дома, быстро пробралась в свою комнату, заставив висящие в воздухе ступеньки лестницы дрожать от прыжков, упала на кровать, отвернувшись к стене и сжалась в комок.

Её ощутимо потряхивало. Проклятушая самоуверенность! Ну как, как она умудрилась всего за несколько секунд, пока длился тот её торжествующий взгляд, настолько сдать свои позиции?

Булькнул дверной звонок.

– К вам хочет войти ваша сестра Яу, – сообщила Липучка.

– Впусти.

Видеть никого не хотелось, но, если не пустить, хуже будет. Заподозрят такое, чего допускать ни в коем случае нельзя – заподозрят правду, что у неё не вышло задуманное.

– Нинель!

Яу пришла вместе с Марией. Первая уселась на прозрачный стул-желе, принимающий форму тела, выпрямилась и расширила глаза от волнения, вторая вспорхнула и присела на краешек кровати, изгибаясь, словно балерина.

– Что произошло? Он что, посмел тебя обидеть? Оскорбить?

Нинель поджала губы, с тоской смотря на железный стул, внутри которого плавали рыбки. В детстве она обожала за ними наблюдать, а сейчас даже это не успокаивало.

– Не знаю.

Обе сестры озадачились.

– Как это не знаю? – спросила Мария. – Он сделал что-то неприличное? Отчего ты прячешься в комнате?

– Я просто устала! – соврала Нинель. И замолчала, демонстративно прикрыв глаза. Прикинуться больной всё лучше, чем пытаться беседовать на неудобную тему – давний, проверенный временем метод.

Задав ещё пару вопросов и не дождавись вразумительных ответов, гости синхронно поднялись со своих мест.

– Тогда отдыхай.

Сёстры ушли, а Нинель только и оставалось, что сжимать кулаки и проклинать сегодняшний день и собственную доброту, из-за которой все беды. Пожалела Яу, в результате влипла сама. Во что? Это самое неприятное – во что не ясно.

«Во что, во что я влипла?» – думала Нинель, но не знала ответа.

Впрочем, уже к ужину она успокоилась. После долгого пережёвывания произошедшего, когда сердце замирало и каруселью повторялся тот момент, когда был потерян контроль над ситуацией, – после вдруг попустило.

«Чего это я переживаю?» – подумала Нинель, вскочила с кровати и решила выбросить городского нахала из головы. Может, она слегка опростоволосилась, но цель ведь достигнута? Яу не ходила на встречу, и господин Бослонцев не ней не женится.

К ужину и аппетит разыгрался, впрочем, Нинель никогда его отсутствием не страдала. Она уселась за стол первой и заказала все три блюда из предложенного меню.

Когда родители пришли, тарелки Нинель практически опустели. Но она не насытилась, мечтала о десерте, потому не сразу расслышала, о чём шёл разговор. Вернее, вначале услышала, что мама сделала ей замечание – мол, воспитанной девушке не следует поглощать пищу в таких

количествах, пропустила мимо ушей и снова услышала фразу, только когда в ней прозвучало имя.

Эрим.

Кусочек модифицированного брокколи в виде розочки застрял в горле, будто у него были самые натуральные шипы.

– Так что к ужину оденьтесь прилично. – Мама придирчиво оглядела всех дочерей, и только вид Марии вызвал у неё улыбку умиления. – Кроме тебя, милая, ты всегда выглядишь превосходно.

– Спасибо, мама.

– Яу, тебя прошу надеть новое платье в серебряных цветах, ты в нём очаровательна. Пусть наш гость увидит, что мы тут в провинции тоже знаем толк в красоте и моде.

– Хорошо, мама, – еле слышно пискнула Яу.

– Всё в порядке? Отчего ты так побледнела?

Нинель до боли сжала вилку. Она-то знала, отчего побледнела Яу. Впору и самой бледнеть! Завтра на ужин явится этот лощённый городской пижон и их с сестрой афера по обмену именами выплывет наружу. Неприятненько.

Обычно, если поставщики даже посещали ферму, то никогда не заходили в дом, тем более не принимали пищу с семьёй. Ну, кроме двух старых, самых первых, которые начинали с отцом в молодости и стали его друзьями. Кто ж знал, что с этим всё пройдёт иначе? Да, видимо, и правда господин Бослонцев – билет в роскошную жизнь, раз родители так его привечают. И никак нельзя навредить бизнесу, папа не простит.

Значит надо... надо перехватить гостя раньше, чем ложь вскрыется.

Приняв решение, Нинель подмигнула Яу, которая так и продолжала сидеть, растерянно хлопая глазами, а потом продолжила ужинать.

Чуть раньше в доме Теняевых случился следующий разговор.

Максимилиан успел переговорить с господином Бослонцевым до ужина и поднялся в комнату переодеться. Там его уже ждала Виола. Любимая жена прекрасно выглядела в лёгком жёлто-сером платье и в колье из прозрачного янтаря. Она крутилась перед зеркалом и что-то напевала. Заметила мужа, счастливо улыбнулась.

– Ну как?

– Как всегда, великолепно.

Она слегка порозовела и стала ещё краше. Правда, и о своих обязанностях не забыла.

– Почему задержался?

– Господин Бослонцев звонил.

– Вы договорились о поставках?

– Да.

– А цена?

– Моя. Он даже не стал торговаться. – Максимилиан покачал головой и ворчливо добавил: – А ещё он напросился завтра на ужин. И так и сяк намекал, я не смог ему отказать.

– И не нужно отказывать! – Виола широко распахнула глаза и подалась вперёд. – У меня же на него матримониальные планы.

– Ах ну да, ну да.

Скепсис в голосе мужа заставил Виолу слегка нахмуриться, однако она быстро прогнала с лица любые признаки неудовольствия – дела ведь сами не делаются, проблемы не решаются, браки не заключаются.

– Надеюсь, ты намекнул ему, что получить одну из наших дочерей он сможет только после свадьбы?

– Думаю, ему на подобное намекать не нужно. Он прекрасно воспитан и сам знает, что иначе девушки из такой семьи, как наша, ему не видать. Пусть только посмеет думать иначе! Оpozорю в деловом мире так, что он обнищает за полгода.

– Надеюсь, до этого не дойдёт, – рассмеялась Виола, поглаживая распалившегося мужа по плечу. – Не хотелось бы для нашей дочери нищего мужа.

Нинель пришлось изворачиваться, словно слизкий угорь, чтобы устроить дело так, как нужно. Всеми правдами и неправдами она добилась того, что её отправили встречать гостя. Обычно на площадку выходил хозяин или отправлял на встречу биота-слугу с зонтом от дождя или солнца, но Нинель наболтала столько всего безумного, что отцу надоело слушать и он позволил ей встречать Эрима Бослонцева лично и в одиночестве.

Гость прибыл точно в назначенное время. Знакомая чёрная фляйка приближалась со стороны города совершенно бесшумно. Так же бесшумно опустилась на площадку. Дверца откинулась.

Нинель вздохнула, выпрямляясь, и провела по бёдрам, по платью ладонями. Второй день подряд полный провал! Маскарад пришлось отменить, мама бы не поняла. Теперь на Нинель голубое платье с юбкой, собранной позади складками и с кружевом в глубоком вырезе, а на голове веночек из волос с голубыми же лентами. О морковной помаде, естественно, так же пришлось забыть, теперь на губах бледно-розовая, подчёркивающая здоровый нежный цвет лица.

Кажется, контраст со вчерашней дикаркой вышел разительный. Эрим, который вышел из фляйки и окинул Нинель быстрым взглядом, замер и, прищурившись, уставился на неё более пристально.

– Добрый вечер, господин Бослонцев, – нежно проговорила Нинель, ломая пальцы. Слишком сильно он удивился, нехорошо это.

– Яу? – Он почти растерялся, но ненадолго – мгновенно взял себя в руки. – Вернее, госпожа Теняцева. Если мой вывод верен, и вы вышли мне навстречу, должен сказать, что не мог ждать от этого дня большей удачи.

– Да, именно вас. Нам нужно поговорить.

– Здесь и сейчас?

– Да. Это очень важно.

– Тогда я слушаю, – просто сказал он.

Нинель же было совсем не просто. Вот что дальше? С таким вниманием и пониманием ждёт, что сразу становится не по себе. Кажешься себе какой-то глупышкой, толком не вышедшей из детства – натворила невесть что, а теперь не знает, как всё замять. Хотя... так и есть, натворила.

– У меня к вам просьба, – вымученно улыбнувшись, сказала Нинель.

– Всё, что в моих силах, – коротко ответил Эрим, продолжая терпеливо ждать.

Фух. Ну, не будем тянуть, а то так и пальцы вывернуть недолго.

– Понимаете, вчера вышло недоразумение. На самом деле меня зовут не Яу, Яу – это моя сестра. А моё настоящее имя – Нинель.

Его взгляд дёрнулся было вниз, но тут же вернулся к лицу. Тёплая улыбка.

– Значит, Нинель?

Что-то в его тоне завораживало. Она стояла, не моргая, пока Эрим тактично не кашлянул, и тогда дёрнула головой, отгоняя непонятное наваждение.

– Так вот! – повысила голос, с усилием расцепляя пальцы, которые тут же прижались к платью по бокам. – Моя просьба состоит в следующем – не рассказывайте, пожалуйста, об этом происшествии моим родителям. Ну, что вместо неё вас вчера встречала я. Вы выполните?

– Конечно. – Он вскинул брови, будто удивился, что в нём сомневаются.

Так просто! Нинель с облегчением выдохнула, чувствуя, как в улыбке расплзаются губы. Возможно, господин Бослонцев совсем не так ужасен и вовсе не заслуживает, чтобы его разыгрывали, как произошло вчера.

– Но не просто так.

Её зубы сжались и клацнули. Глаза прищурились.

– То есть как?

– Услуга за услугу.

Вот вам и урок – никогда не жди от мужчины понимания, если выставила его дураком.

– И что вы хотите взамен?

– Поцелуй.

– Что? Я ослышалась? Повторите!

– Хочу поцелуй.

– Что?! Что вы себе позволяете?

– Мне нужно кое-что решить... кое-что выяснить. Без поцелуя никак, а по-другому вы же не согласитесь?

Это «вы» звучало просто издевательством!

– Да что вы себе позволяете!

Он задумался.

– Или согласитесь? Насколько мне известно, здесь, на периферии, нравы более строгие и девушка из приличной семьи согласится меня поцеловать только после некоторого периода ухаживания. Или вы согласились бы поцеловать меня раньше, безо всяких условий?

– Я? Да ни за что!

Эрим некоторое время молча улыбался. Ветер раздувал его волосы, но городской проныра не обращал внимания, будто ему наплевать на собственную причёску.

– Нинель, – сказал он в конце концов. – Вы можете отказаться. Не думаю, что ваши родители очень строго отнесутся ко вчерашнему происшествию. Уверен, своих дочерей они обожают и готовы простить многое. Если моё предложение вас шокирует, вам следует отказаться.

Он выделил слово «следует», словно строгий учитель, сделал выговор шалуну на уроке. Нинель прямо ощущала, как в ней закипает ярость. Ещё будет учить её, что и как делать? Кажется, даже подол платья от такой наглости затрясся.

Не бывать такому!

– Шокирует? Да чем меня может шокировать один поцелуй? Просто не хочется.

– Скорее решайте, что вам важнее.

И голос-то какой доброжелательный! И прищур как у лиса. Вот из-за чего она проиграла – недооценила противника. Но и проигрывать нужно достойно, тем более всегда есть шанс отыграться. Нет, нет другого выхода.

– Я согласна, – ледяным тоном проговорила Нинель. – Только здесь камеры, я уверена, за нами наблюдают. Отец, наверное, ждёт вашего прибытия.

– И удивляется, отчего мы задерживаемся, – кивнул Эрим. – Конечно, я не стану целовать вас на виду у камер.

– Где тогда? Когда?

– Сообщу позже. Пусть это станет для вас сюрпризом.

Снова хотелось огрызнуться, но Нинель не позволила себе. Пусть лучше думает, что ей наплевать, и она совсем не волнуется.

– Позвольте вас проводить.

Эрим уже подставлял локоть. Нинель зацепилась за него и скованно пошла в его компании к дому, где на крыльцо уже высыпала семья. Отец добродушно улыбался, Яу то краснела, то бледнела и только Виола выглядела удивительно довольной. Ямочки на её пухлых щеках были мягкими, как никогда.

Теняцевы наперебой поприветствовали гостя и проводили его в столовую. Только все расселись по местам, как подавальщик уже состряпал первую закуску, веером выставляя пиалки перед сидящими за столом людьми.

Ужин прошёл весело. Отец и Эрим говорили о делах, Виола то и дело влезала в их разговор, так что мужчинам пришлось отвлекаться и с улыбкой объяснять, отчего и как они намерены действовать. И если для отца такие объяснения были делом привычным, подобную черту характера господина Бослонцева Нинель узнавала с удивлением – он оказался очень любезен и терпелив.

Верно, скоро забудет уже о ней и об их глупом уговоре. Да и младшие сёстры, обнаружив за столом приятного собеседника, заваливали его вопросами, не давая спуска. Уж чего-чего, а поговорить о сладостях они были всегда рады. А Эрим ещё так вкусно рассказывал, то и дело вставляя профессиональные словечки – лейская ваниль, розовый сахар, эссенция пурпурного лотоса... Прямо слюнки текли.

– Ах, как жаль, что наш биот-повар не может творить! От него кулинарных шедевров точно не дождёшься! – воскликнула Джинни. – Как бы я хотела попробовать что-нибудь из того, о чём вы сейчас рассказывали!

Нинель с неудовольствием подумала, что этот городской выскочка мог бы и привезти пирожных, к примеру, или торт, а не просто дразнить их всех перечнем деликатесов. Тоже мне, кондитер!

Она недовольно зыркнула в сторону гостя. Тот, увидев взгляд, слащаво улыбнулся и сказал:

– Если хозяйка дома не против, – он учтиво склонил голову перед Виолой, – я готов продемонстрировать свои умения и лично приготовить десерт. Думаю, свежие молочные продукты у вас найдутся, а остальных ингредиентов вдоволь на любой кухне.

– Мы будем просто счастливы! – хором закричали сёстры, а мама благосклонно улыбнулась. Нинель скорчила мину и даже что-то пробормотала себе под нос, тихонько кривляясь.

Глянула – гость словно только того и ждал.

– А Нинель, которая так жаждала мне помочь, сможет ассистировать!

У неё и челюсть отвалилась, она так и застыла, с приподнятыми вилкой и ножом в руках.

– Нинель хотела вам помогать? – с сомнением спросил отец. Вся семья уставилась на Нинель так, будто её нос покрылся перьями. Даже обидно стало – отчего на их лицах столько скепсиса?

– Пока мы шли к дому, Нинель несколько раз повторила, что будет безумно рада помочь такому мастеру, как я, в приготовлении его шедевров. Разве могу я отказать истовой почитательнице моего кулинарного таланта?

О! Нинель вскипела и могла бы многое ответить. Особенно взбесило её хихиканье сестёр, которые, видимо, представили, как Нинель кого-то обожает и упрашивает дать ей поработать.

Но как ей было ответить? Как признаться, что ни о чём таком они по дороге не болтали? Ведь тогда, вполне вероятно, придётся признаться, о чём болтали на самом деле, в результате неизбежно всплывёт, что вчера состоялась подмена. Вон как гость улыбается – точно знает, какие мысли бродят в её голове.

Можно, конечно, признаться... Нинель глянула на отца. Но ведь папа будет разочарован. Это было для неё хуже смерти – видеть в его глазах разочарование.

Она вздохнула и кисло улыбнулась, пусть даже руки тряслись от злости, так что пришлось бросить приборы, чтобы они не стучали о фарфор.

– Буду счастлива осуществить свою мечту, – съязвила Нинель.
– Рад угодить, – Эрим усмехнулся. – Вы же не боитесь... испачкать руки?
О! Это точно месть за вчерашнее.

– Не будем же оттягивать! – вскричала Виола, пока Эрим и Нинель с мрачными улыбками сверлили друг друга глазами. – Можете приступать, как только закончите ужинать.

– Спасибо, я уже сыта! – крикнула Нинель. Голос дал петуха.
– Тогда приступим.

Гость встал, скомкал тканую салфетку, которая лежала у него на коленях, и бросил её на стул таким жестом, будто пытался вызвать стул на дуэль.

– Я готова, – вскочила Нинель, стягивая с колен свою салфетку. Она попыталась было тоже скомкать и бросить её на стул, но салфетка оказалась чрезмерно накрахмаленной, опять домашний биот сбился и перепутал при стирке пропорции! – так что у Нинель ничего не вышло. Она понадеялась только, что никто не заметил, что ей пришлось оставить салфетку немятой.

Не сговариваясь, они с Эримом развернулись и плечом к плечу промаршировали на кухню.

– Не спешите, мы готовы ждать, сколько необходимо! – крикнула им вслед Виола.

Чтобы не скучать, семейство включило 3D-визор. Над столом заиграл какой-то фильм – красочный карнавал большого города, все устроились поудобнее и стали смотреть.

Девочки о чём-то переговаривались, в общем, семейный вечер вернулся к своему обычному настроению. Только Виола, покосившись на мужа, загадочно улыбнулась и повела головой в сторону кухни.

Максимилиан наклонился к ней:

– Что?

– Милый, ты заметил? Они прекрасно друг другу подходят! Этот приятный молодой человек не даст ей спуску!

– Кому, Нинель? Ты выдумываешь. Даже я не могу совладать с её упрямством.

– Можешь, милый, можешь, просто не хочешь. Дочки из тебя верёвки вьют, потому что ты их обожаешь. И это правильно, ты же отец. Муж – другое дело, он будет её обожать, но и спуску не даст.

– Больно он хлипенький для Нинель, – с сомнением сказал Максимилиан. – Не справится.

На что Виола только загадочно усмехнулась:

– Посмотрим, кто окажется прав.

На кухне тем временем происходила молчаливая дуэль взглядов. Остановившись прямо у входа, между кухонными шкафчиками и столом для готовки, оба ждали, когда заговорит другой. Уступить никто не желал.

Когда же появился биот, господину Бослонцеву пришлось подвинуться, чтобы тот смог пройти. Таким образом он оказался притиснут почти вплотную к Нинель. Тут она вдруг вспомнила, что городской нахал потребовал в качестве оплаты своего молчания и слегка заробела. Щёки алели, и от этого она робела всё больше.

Но незванный гость не стал пользоваться моментом и, как только биот прошёл мимо, отодвинулся.

– Ну что же, приступим? – спросил Эрим, схватив ближайший фартук с крючка.

Звучало угрожающе.

– Приступим!

Нинель сорвала другой. Повязала, не глядя и только увидав приподнявшуюся светлую бровь, осмотрелась. Ну надо же – самый нелюбимый фартук! С уточкой. Виола говорит – милейшее создание, а, по мнению Нинель, эта кривая утка ну просто ужас. У неё же клюв набекрень и глаза косые! И надо же было схватить именно его!

Просто невезение какое-то!

Держи хорошую мину при плохой игре. Нинель задрала подбородок, делая вид, будто рисунок её ничем не смущает и даже смогла заставить себя не прикрываться руками.

– Будь любезен, достань следующие продукты: сливки 33 % жирности литр, творог протёртый, килограмм, сахар, ваниль, свежий лимон, синтетический желатин, крахмал и банку ягодного мусса из багажного отделения моей флайки, – приказал Эрим биоту. Тот мигнул зелёной лампочкой, показывая, что приказ понятен и отправился исполнять.

Несколько последующих секунд, пока царила тишина, Нинель изо всех сил боролась со своей любовью к сладкому... и, конечно же, позорно проиграла.

– И что вы будете готовить?

Он картинно изумился:

– Вы решились со мной заговорить? С чего такое счастье?

– Что вы будете готовить? – не давая сбить себя с толку, повторила Нинель. Сам такие требования выдвигает личные, можно сказать, почти интимные, а тут нельзя ему даже вопрос задать!

– Панакоту.

– Желе?

– Именно.

– Не люблю желе, – мстительно сказала Нинель.

Он промолчал, но улыбнулся кровожадно.

Вскоре биот вернулся с продуктами и процесс готовки начался.

На самом деле Нинель практически ничего не пришлось делать. Ну разве что переливать туда-сюда сливки, взбивать их, протирать и взбивать творог, выжимать лимонный сок, нагревать желатин, остужать мусс, в общем, всю грязную работу. По мелочам помогал биот, Эрим же, понятное дело, стоял неподалёку, вальяжно прислонившись к стене, и руководил.

Но если он хотел посмеяться над Нинель, то просчитался.

Пожалуй, впервые на своей памяти она была благодарна Виоле за уроки, которые та преподавала дочерям на кухне.

– Вы должны знать, как и из чего готовятся блюда! – утверждала мама. – Иначе, если ваш повар выйдет из строя, вы даже не поймёте. Будете жевать сухой бифштекс из макарон, пить компот из огурцов и думать, что еда такой и должна быть. Нет, только личный опыт даст вам понять, что правильно приготовлено, что нет!

Теперь благодаря этим урокам Нинель, что называется, знала «с какой стороны подойти к корове».

И вот наконец командир удовлетворён и дело сделано.

Прозрачные розочки с десертом смотрелись очень притягательно. Биот доставил десерт в столовую, где его с восторгом приняли и тут же опробовали.

Нинель чуть не зажмурилась, когда сунула в рот первую ложечку.

Это было бесподобно!

Прекрасно и досадно одновременно. Невозможно не признать – этот городской прощелыга на самом деле кулинарный гений. Как бы не хотелось думать о нём одни только гадости, себе самой не соврёшь – Нинель редко доводилось пробовать такую вкуснятину.

Она вздохнула. Хотелось затолкать панакоту в рот целиком и одновременно растянуть удовольствие на как можно более долгий срок.

– Неужели не понравилось? – Отреагировал вопросом гость. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на разочарование. Причём в самом себе.

Как такое чудо может не понравится?

– Это идеальный десерт, – уверенно ответила Нинель.

Он молча улыбнулся. Что-то такое было в выражении его лица, что заставило Нинель снова залиться краской. Хотя аппетит не пропал. Пока в розетке не показалось дно, ни о чём другом и думать было невозможно!

Чего уж там, десерт понравился даже Максимилиану, который сладкого не любил и попробовал только из вежливости.

После ужина Нинель подобрела. Она смотрела, как Эрим болтает с сёстрами и ему рада даже Яу. Наверное, не такой уж он и ужасный. Если подумать, чем вообще он провинился? Тем, что у Виолы возникли на него какие-то нелепые матримониальные планы? Ну тогда почти каждый встречный мужчина виноват. Да, совершенно очевидно, что господин Бослонцев такая же несчастная жертва интриг, как и сестра, которой он предназначался.

Ранний вечер незаметно перетёк в поздний. Гость спохватился, когда стемнело, и поблагодарил за удивительный ужин и прекрасно проведённое время.

– Ну что вы, – Виола не смогла сдержаться. – Мы живём уединённо и часто скучаем, так что это вы сделали наш вечер чудесным. А уж если считать десерт, то этот праздник мы будем вспоминать ещё долго.

– Был рад услужить.

Эрим поклонился и перевёл взгляд на Нинель.

– Не проводите ли меня до транспорта?

И снова усмехнулся.

Всё расположение к городскому пижону как рукой сняло! Жертва? Как бы не так!

Он собирался воспользоваться своим шантажом, как пить дать! Заманивал в темноту, чтобы по дороге поцеловать.

Но отказаться – значит, дать понять, что передумала. И что тебя это задевает. А ведь договор вроде уже есть и нехорошо отнекиваться. Нехорошо? Отказать тому, кто шантажирует? Но ведь ей и самой это выгодно.

Так, запутавшись в размышлениях, Нинель дождалась, пока гость попрощается с Теняцевыми, причём так тепло и душевно, будто они родственники, и повела его к летательной площадке.

Несмотря на голубые круглые лампочки, установленные вдоль дорожки, на улице было совсем темно. Трещали сверчки, птицы к ночи замолкли, но всё равно то и дело, словно опомнившись, вопросительно чирикали. Впереди дорожку лениво перебежал суслик – в окружающих полях их было полно, туристы обожали, когда суслики выходили к ним за угощением.

У Нинель в голове вихрем вились мысли. Что сказать? Поблагодарить за десерт, который ей очень понравился? Она была готова есть такое великолепие каждый день. Или совсем не хвалить, а взять да отругать за шантаж, сказать, пусть катится к чёрту со своими нежеланными поцелуями, лучше уж она признается родителям во всех своих грехах?

Хотя... На лице сама собой расцвела мстительная улыбочка. А ведь теперь и он повязан – сразу не признался, что считал Нинель Яу, как теперь он признается? Тогда придётся объяснить, почему молчал раньше, почему не удивился, что именно Нинель проводила экскурсию по ферме.

Нинель уже мысленно потирала ручки. Ха! Пусть только попробует протянуть к ней свои наглые губы – вот тут-то она всё и выскажет. Притворится, что согласна, а потом, в самый последний момент, ка-ак выскажет всё, что думает! И в выражениях стесняться не будет. Да, однозначно, так и сделает!

При приближении к лётной площадке вокруг флаек включалось освещение – стандартная функция. Оставалось всего несколько метров – и они окажутся в центре иллюминации, где будет не до поцелуев.

Не дойдя буквально несколько шагов до границы, Эрим остановился. Сердце Нинель бросилось в бешеный галоп. Сейчас, он сделает это сейчас.

Эрим повернулся. Сделал крошечный шаг. Немного наклонил голову, всем телом став чуть-чуть ближе. Молча посмотрел ей в глаза, а потом – на губы, совсем непонятым взглядом, которым обычно смотрят на вкусную еду.

В ушах забился пульс, верно, из-за пьянящего аромата разнотравья, остывающего от дневного солнца.

Мелькнула мимолётная мысль, что, может быть, не стоит прямо вот так брать и отказываться? Невежливо всё-таки. Может, пусть...

– Вам пришло сообщение от Максимилиана Тенявцева, пометка «приоритет». – Сей же момент раздался скрипучий голос Липучки Эрима.

Тот вздрогнул и отшатнулся. Растеряно качнул головой, как-то рассеяно и неуклюже переступая ногами, пошёл вперёд. Несколько шагов – и вспыхнуло освещение.

– Благодарю, Нинель, всего доброго, – сонным голосом, не оборачиваясь, пробормотал господин Бослонцев и полез в свою флайку. Та мгновенно включилась, замигали лампочки по периметру, аппарат завёлся, взлетел и завис над землёй, проверяя маршрут. Гость уже не смотрел вокруг, он читал полученное сообщение.

На секунду Нинель почувствовала досаду на отца. Зачем было писать? Что такого случилось за несколько минут, пока гость вышел из дому, что требовало срочного разговора? Прямо как специально!

А может, к лучшему. Ведь решить, что выбрать – дать себя поцеловать или послать шантажиста к чёрту – невозможно. Нинель жалела бы при любом исходе. Да, это точно.

Поэтому оставалось только вздохнуть и порадоваться, что вечер закончился без разоблачений и трагедий.

Жаль только впереди ночь – тёплая, звёздная, ароматная. В такую так неохота сидеть в одиночестве в своей комнате!

А придётся.

Виола готовилась ко сну. Привычно напевала, распуская и расчёсывая свои длинные, всё ещё великолепные благодаря современной косметологии волосы, то и дело поправляла пеньюар. Максимилиан задерживался. Перед уходом он прошептал, что готовит сюрприз и удалился в кабинет.

Ну вот, прекрасно! Виола в последний раз осмотрела себя в зеркале, благосклонно улыбнулась своему отражению и подумала было занять остаток времени чтением какого-нибудь бульварного романа, благо не закончился доступ в онлайн-библиотеку, куда ежедневно прибывает около сотни новинок на любой вкус и цвет. Однажды она даже подобрала целую страницу стопроцентного совпадения результатов на запросы: «Изюминка – страх насекомых, герой – блондин без левого глаза, героиня – оборотень-колибри, сюжет – морское крушение, космическое крушение, подземелье с перемещением во времени, преобладающие слова – жаркий, медуза, зелёный и параллелепипед». Правда, прочесть сей шедевр разнообразия не довелось, уж больно много было забот с дочерьми и любопытство не утолилось. Может, стоит утолить?

Но тут явился Максимилиан. А так как он ссутулился и имел вид побитой собаки, стало не до чтения. Виола превратилась в сжатую пружину и её озарило:

– И где мой сюрприз?

– Извини, дорогая, как-то не получилось.

Максимилиан махнул рукой, прошёл вперёд, сел на кушетку и с облегчением выдохнул. Потом подумал и махнул рукой повторно.

– Рассказывай.

Виола осталась стоять поодаль. Непонятно ведь, нужно его утешать или ругать.

– Да вот как-то вышло... – Он замялся.

– Дорогой, говори, я вся изведусь, пока ты решишься!

– Ладно. Господин Бослонцев не желает жениться!

Некоторое время в комнате было совсем тихо.

– Подробнее, – ледяным тоном приказала Виола.

– Ну, я с ним говорил... только что. Конечно, первым делом подтвердил, что поставки начнутся уже с той недели, банк для расчётов привлечём его, и с рекламой он тоже поможет. А потом я поинтересовался насчёт его планов. Ну, насчёт семьи. И он сказал, что в ближайшее время не планирует жениться. Ни вообще, ни моей дочери в частности.

Максимилиан снова вздохнул.

– А почему речь зашла о наших дочерях? – В женском голосе звенела сталь.

– Ну ты же сама сказала, что он женится на нашей дочери. Я и спросил. Ну, хочет ли он.

– Ты спросил? Но зачем?!

– Но почему нет? И выяснил, что он не хочет!

– Хочет! Но сам пока об этом не знает!

У Максимилиана и челюсть отпала.

– Как не знает? Я был уверен, что ты с ним этот вопрос обговаривала. Иначе бы... я что, выходит, заговорил с ним о женитьбе, когда он... когда я...

Виола оттаяла.

– Дорогой, не волнуйся так.

Она в своём шуршащем пеньюаре подошла и присела рядом. Ласково погладила по плечу, прикоснулась к пунцовой от переживаний щеке.

– Просто вы, мужчины, так устроены. Сами не понимаете своего счастья. Вот скажи, ты был со мною счастлив?

– Каждый день нашего брака! – вскричал Максимилиан.

– Вот. А ведь тоже не хотел жениться.

– Как не хотел? Я не хотел? – искренне удивился тот.

– Именно. – Виола коротко поцеловала мужа в губы и отодвинулась. – Не помнишь?

– Да как же не хотел? Я же сделал тебе предложение. Я, не ты.

– Сделал.

Он нахмурился:

– Совсем ничего не понимаю.

Виола продолжала с любовью смотреть мужу в лицо.

– Вот это и есть задача женщины, дорогой.

– Какая?

– Сделать так, чтобы мужчина всегда был уверен, что женился по собственной воле.

Стало тихо, разговор сам собой иссяк.

Максимилиана эти женские штучки не очень волновали. Он куда больше переживал, что поставил себя в неловкое положение, заговорив о браке. Теперь господин Бослонцев будет думать, что его хотят окрутить, да ещё кто? Максимилиан! Мужчина, собрат!

– Подожди-ка, – Максимилиан вдруг нахмурился. – А чего тогда он глаза пялил на мою дочь? Да я это терпел только потому, что думал, будто он жениться собирается. Иначе я бы сразу пресёк! Так смотрел на Нинель, будто она этим его десертом с ног до головы намазана.

– Не волнуйся, дорогой. И не бери в голову. У тебя ведь и без этого полно забот. Ферма, заказы, поставки, счета... Позволь мне заняться домом и детьми. Ты же знаешь, я справлюсь.

Подумав, Максимилиан согласился. И правда, пусть женскими делами занимаются женщины, а мужскими займётся он. Непросто быть главой семейства, а тем более такого большого, а тем более, когда вокруг одни женщины! Каждую обеспечить, о каждой позаботиться! Адский труд. На том и порешили.

И даже когда прошёл месяц, а Эрим не появился, хотя Виола утверждала, что он не выдержит и приедет, Максимилиан не лез ни с вопросами, ни с комментариями.

Тем более жена напоминала фурию, стоило об этом упомянуть.

– Ну, если сено не идёт к корове, корова идёт к сену! – в конце концов заявила Виола, а коров она упоминала в крайне редких случаях, как последний аргумент.

В этот миг Максимилиан даже пожалел своего будущего зятя, в чьём статусе отчего-то больше ни капли не сомневался. Всего на миг.

А после обрадовался – давно пора ввести в их семью мужчин. Пусть тоже страдают, не всё же ему одному лямку тянуть, а моложе он не становится.

Утро началось как обычно. Буднично и скучно.

Нинель умылась, оделась и вышла к завтраку. Заказала омлет – он хоть и не сладкий, но такой текстуры, что не нужно жевать.

День планировалось провести не без работы, конечно, но зато на ужин обещали заказать из города торт в честь местного конкурса акварельного рисунка, выигранного Измой. Недавно она присоединилась к Марии в уроках живописи, но мгновенно обогнала старшую сестру и даже посрамила. Рисунок был на самом деле хорош, на нём белели облака и расстилались поля, полные пасторальной нежности. Он был так хорош, что теперь висел на одной из стен гостиной, так и притягивая взгляд.

Рисунок хорош, а торт – ещё лучше, вот как рассудила Нинель.

И всё было хорошо, пока не появилась мама. Виола была разгневана, поэтому не улыбалась, только молнии из глаз метала. Максимилиан тоже сурово хмурился.

Впрочем, дочери их не боялись. Конечно, придраться можно к любому поступку, но в последнее время никто ничего ужасного не натворил.

– Нинель! – не откладывая в долгий ящик, назвала виновницу мама. – Почему ты вчера не заказала починку вакуумных ёмкостей? Теперь у нас задержка в поставках, и мы заплатим штраф. Штраф! А на прошлой неделе ты не позвонила ветеринару, в итоге прививки вовремя не обновили. Что может быть проще? Две минуты сделать заказ! По дому ничего не делаешь, просишь тебя об услуге – забываешь, чем ты вообще занимаешься?

Нинель понурилась. Обвинения были ой как справедливы! Не в бровь, а в глаз!

Она в последнее время действительно безобразно себя вела. Не специально, конечно, нет! Просто голову всё время занимал этот проклятуший городской пижон и его десерт. До дел ли тут? Ведь стоит начать работать, как мысли перескакивают на совершенно не связанные с делами вещи – мужчины и сладости. Конечно, стоило ей понять, что он влез в голову, как она сердилась и немедленно все эти крамольные мысли отгоняла, но проходила пара минут, Нинель слегка расслаблялась, и непрошенные мысли с готовностью и поспешностью лезли обратно. Так и проходили её дни – в борьбе с крамольными образами, которые чуть что появлялись как грибы после дождя. Просто невозможно!

Нинель даже на виртуальное свидание сходилась, думала отвлечься. Выбрала красавчика с белозубой кривой ухмылкой и ресторан на платформе, парящей над океаном.

Красавчик оказался нудным и пафосным. Чтобы она ему не говорила, в ответ только улыбка, зубы сверкают, а глаза глупенькие какие-то. Да и улыбался он только до того момента, как предложил виртуальный интим, а Нинель отказала. Тут он и улыбаться перестал, а через пару минут вообще взял да растворился в воздухе – сбежал. Хорошо хоть платить за него не пришлось, виртуальный сайт знакомств заранее деньги за ужин снимает, как раз во избежание подобных недоразумений.

Тоже мне, охотник, думала Нинель, сдирая очки виртуальности. Первый отказ и сразу в кусты. А где азарт погони, напор и страсть? Тьфу ты, а не мужик! Правда, она и потом вряд ли бы согласилась. Конечно, виртуальный интим штука приятная, но пришлось бы брать набор для полного погружения, где шлем и перчатки с хитрыми датчиками, передающими головному мозгу тактильные ощущения, – а он в доме один, лежит в гостиной в ящике. Возьмёшь – сразу весь дом узнает. Младшие будут смотреть и хихикать, Мария и Яу так вообще при разговоре краснеть и бледнеть, хотя сами им пользовались. В тот раз, когда они повзрослели и остались одни дома – втроём стащили аппарат полного погружения и по очереди попробовали.

Опыт оказался слишком откровенным, чтобы делиться друг с другом подробностями, поэтому они просто вернули аппарат на место и никогда тот случай не обсуждали. Нинель потом много читала и писала, что ощущения очень даже похожи на настоящие, с живым мужчиной. Но всё равно не дотягивают – полностью идентичные запахи, к примеру, синтезировать невозможно.

Про настоящие же она, как девушка из хорошей семьи, понятия не имела.

В то время Нинель всё это как-то позабыла, отодвинула на задний план, погрузившись в мечты о самостоятельности, а теперь вдруг вспомнила. И это тоже раздражало.

– Почему ты молчишь? Неужели нечего сказать в своё оправдание?

Виола укоризненно покачала головой, а Нинель словно ото сна очнулась.

– Нечего, я виновата. Простите, мне очень стыдно.

– Думаю, в этот раз придётся тебя наказать.

Справедливо. Нинель вздохнула, но не спорила – ничего не поделаешь, заслужила.

– Да, девочки, у нас для вас новость! – Вдруг засияла мама, мгновенно забыв о проступке Нинель. – Мы решили, что будем расширяться!

– Да ну, как? – Тут же посыпались вопросы. – А мы? Будет больше работы?

– Ваш отец всё высчитал и составил план. Коров на отдыхе переселяем в новый дом, он будет построен ниже по склону, у реки. А на их место берём ещё тридцать штук дойных. Кроме того, мы собираемся организовать программу для туристов. В неё будет входить агрофитнес – полезная работа на полях, общение с животными и кафе с блюдами из наших натуральных продуктов. Нам всем, конечно, придётся работать больше, мы даже собираемся дополнительно нанять пару человек, потому что биотами кто-то должен управлять, но зато, если всё получится, на Новый год всей семьёй полетим на Цирцею!

О, от полёта на Цирцею никто бы не отказался! Да это просто мечта!

Нинель воспрянула духом. Конечно, осознание, что работать придётся больше, её не порадовало, но ради Цирцеи она была готова на жертвы. На небольшие. Наверное. Хм.

И ещё, возможно ли, что родители забудут про наказание? Ну что такого она сделала? Ничего же ужасного не произошло. Кроме штрафа. Который могут вычестить из денег, выдаваемых Нинель на её личные траты. Но может, пронесёт? Может, пожалеют?

Не повезло. После завтрака Виола указала Нинель взглядом в сторону кабинета. Та вздохнула. Нет, не миновать наказания, остаётся надеяться, что наказывать станут не чрезмерно.

В кабинете Максимилиан сел поодаль и почему-то недовольно вытянул губы. Нинель стало стыдно ещё больше, если такое вообще возможно.

– Так, теперь твоё наказание, – проговорила Виола, заняла место за столом, навалилась на него и нахмурилась. – Присаживайся.

Стараясь сохранить виноватое выражение лица, Нинель села напротив и смиренно вздохнула. Вот увидят, как ей жаль, и не станут лишать содержания.

– Ты слышала, что мы задумали расширение. В том числе строительство небольшого кафе. А значит, нам нужен человек, который сумеет приготовить сладости. Мы решили, ты подойдёшь лучше всего. Ты сама обожаешь сладкое и, кроме того, прекрасно справилась с десертом, который готовил наш гость. Он тебя очень хвалил.

– Да, но я не умею готовить десерты. Разве что домашнее печенье.

Из всех кулинарных достижений Нинель внимание заслуживало только песочное печенье. И хотя оно имело много разновидностей – шоколадное, лимонное, ореховое, ягодное, всё же дальше печенье дело не шло.

– Не умеешь, – согласилась Виола. – Но у тебя одной есть необходимая страсть к сладкому. Джинни прекрасно готовит блюда из заменителей белка, но сладкое она не чувствует, душа у неё не лежит. Боюсь, она не справится. А вот в тебе я не сомневаюсь. Поэтому именно ты станешь учиться. Поедешь в город и будешь брать уроки в кулинарной лавке нашего закупщика господина Бослонцева. Большая удача, что ты будешь брать уроки именно у него! Основное, чему ты должна научиться, – это мороженое, безе, бисквит, сливочный крем и что-нибудь из творога, он подскажет. Печенье ты и так прекрасно печёшь, но, возможно, станешь печь ещё лучше. Мы с отцом считаем, что этого ассортимента для наших целей будет достаточно. Поедешь послезавтра с утра. И мы с папой решили, что жить во время обучения ты будешь у наших родственников, Маяковых.

– Почему у них? Я могу жить в гостинице.

– Можешь, но остановишься у Маяковых! – беспрекословным тоном заявила мама. – Они станут первыми, кому ты приготовишь свои новые десерты. И если они им понравятся, Маяковы инвестируют часть суммы, необходимой для развития фермы. Мы на тебя рассчитываем. Всё понятно?

Нинель вздохнула, не зная, радоваться или расстраиваться. Учиться, готовить и жить у Маяковых – минус, но увидеть Эрима... Нет, это тоже не плюс!

Однако ответ мог быть всего один.

– Всё понятно, мама, я согласна.

– Тогда можешь идти. Не забудь собрать вещи.

Нинель вздохнула ещё разок и ушла, не поинтересовавшись, как это Эрим, владелец целой сети кондитерских, которому наверняка и без того есть чем заняться, согласился лично обучать малознакомую девушку кулинарному искусству.

Зато поинтересовался Максимилиан.

– Он пока не согласился, – легкомысленно ответила Виола, с интересом рассматривая пустую поверхность стола.

– Как?!

– Потому что он пока не знает.

– О чём не знает?

– Что станет учителем.

– Так ты, что же, с ним не разговаривала?

– Конечно же, нет!

– Но почему?!

– Если сказать слишком рано, он успеет отказаться.

Максимилиан не сразу нашёлся с ответом. Покачал головой – иногда он жену просто не понимал.

– Ты поставишь Нинель в неловкое положение. А заодно всех нас.

– Я? Да Нинель с её непрошибаемой самоуверенностью ничего не заметит. Она же из тех, кто уверен, что вокруг их особы вертится весь мир. И не хмурься так, дорогой, это качество,

конечно, положительным не назовёшь, однако у Нинель он сочетается с редким добродушием, что в итоге даёт скорее комический эффект, чем трагический. И вспомни, ты обещал мне довериться.

Обещал так обещал. Отцу семейства снова пришлось смириться и отступить. Надо признать, не без облегчения.

На следующий день на Нинель напала работоспособность. Так изредка случалось, словно в виде компенсации за безделье периодически она, что называется, жгла.

Нинель поднялась на рассвете, надела рабочий комбинезон и отправилась трудиться. Проверила и ёмкости для готовой продукции, и наличие кормов, и работу биотов – в общем, всё, до чего добралась. Лично проконтролировала уборку навоза и качество питьевой воды, поступающей на ферму из скважины и проходящей три ступени очистки.

А после обеда в компании старших сестёр отправилась на пикник. Официальная версия – чтобы поболтать в тишине и попрощаться. Конечно, иногда кто-то уезжал в город, но всего на пару дней, а такого, чтобы почти на месяц, ещё не случалось. Неофициально – чтобы опять же не работать.

Они взяли еду, много еды, и биота, который будет нести корзинки, и ещё одного, который будет жарить на огне шашлычные палочки и зефирки, и третьего, который понесёт зонтик от ветра и разложит на траве плед, и взяли бы четвёртого, но им заявили, что хватит уже придушиваться, троих вполне достаточно. Пришлось довольствоваться малым.

Излюбленное место семейных пикников и сейчас было полностью готово принять всех жаждущих тишины и покоя. Пологий берег реки, выровненный и заросший специально культивированной сочной травкой, хаотично разбросанные клумбы полевых цветов и домики для животных, окружённые декоративными заборчиками и объединённые дорожками из цветных камешков.

Нинель выбрала полянку у домика мыши по прозвищу Лилипутка. Её завезли с далёких планет, поэтому на Земле Лилипутка размножаться не могла, но зато была размером с кролика, обладала нежно-розовой шерсткой и жила сто лет. Домик у неё был один из самых забавных – избушка на куриных ножках, куда мышь взбиралась по декоративной лесенке.

Итак, биоты засуетились и организовали место для пикника, сёстры расселись, дождались, пока им разольют в фарфоровые чашечки чай и принялись обмениваться новостями, а точнее, сплетнями.

– Говорят, в моду входят прозрачные ткани, – со смехом заявила Мария. – Обязательно проверь в городе, так ли это.

– И если так, привезти вам модных новинок?

– Фу! – Мария сморщила нос, но потом рассмеялась. – Сложно представить нашу семью в подобных нарядах. А уж про вечера у соседей или про праздничные балы лучше не думать.

– Если уж являться на бал, то только в платье по последней моде! – серьёзно заявила Нинель, однако смеющиеся глаза её выдавали.

– Несомненно, только в прозрачном и стоит идти на бал! Ничем другим столько внимания не привлечь. И соседям разговоров на годы вперёд! – Яу быстро отставила свою чашечку в сторону и наклонилась. – А вы знаете новость? Про Звягиных?

– Нет, говори.

Звягины были их ближайшими соседями и выращивали ароматные травы. Целые поля трав и цветов, которые перерабатывали в душистые эссенции. Хотя семья Звягиных была в два раза меньше – родители, двое детей и дед, но встречались соседи часто и считали друг друга чуть ли не родственниками.

– Артур женится.

Что у Нинель, что у Марии челюсти отвалились, а лица некрасиво вытянулись. Впрочем, быстро опомнившись, обе снова улыбнулись так, словно находились на виду у множества зрителей.

– Артур? Звягин? – зачем-то уточнили они.

– Да! Он!

– Что-то не верится.

– Я сама вначале не поверила. Но Леська написала, что это правда. И знаете на ком?

Яу выдержала торжественную паузу и заявила:

– На дочери министра по наземному транспорту!

Нинель и Мария недоверчиво переглянулись. Артур был довольно вредным мальчишкой и в детстве часто портил им платья, причёски, рисунки и игры. Даже Виола, занявшись будущим дочерей, не рассматривала его в качестве зятя, а уж мама рассматривала, кажется, всех мало-мальски знакомых мужчин от мало до велика. Так что представить, будто диковатый Артур на ком-то женится, было почти невозможно.

– И теперь Звягины становятся высшим обществом. Сами понимаете, такие родственники... Может, больше в нашу сторону и не взглянут.

– Да ладно тебе! Они не такие, – вступилась за соседей Мария.

– Вот и посмотрим, какие. Не думай, будто мне хочется перестать общаться с Леськой.

Она хорошая.

Леся Звягина и внешностью, и по характеру была удивительно похожа на Яу, такая же замкнутая и робкая, потому они крепко дружили.

– Ладно вам раньше времени паниковать! Может, он ещё и не женится, – сказала Нинель. Получилось как-то несуразно, будто она надеялась, что не женится, хотя на самом деле планы Артура её не особо волновали.

– На самом деле, если он и правда влюблён, пусть женится, – задумчиво решила Мария. – Мне не жалко.

Яу несмело засмеялась, то и дело поглядывая на Нинель. Та пожала плечами, допила чай и упала на плед, раскинув руки.

– Ерунда всё эта. Женится не женится, какая нам разница? Меня больше волнует наше с вами будущее. Сумею ли я так устроить свою жизнь, чтобы моя ферма работала без вмешательства, позволяя мне заниматься чем-то другим? Смогу ли я создать замкнутый самостоятельный процесс? Но это далёкое будущее, а вот насчёт ближнего... Поедем мы на Цирцею или нет?

Яу и Мария тут же упала рядом с сестрой. Теперь они лежали, живописно разбросав по пледу платья и волосы и тихо переговариваясь.

– Нинель, а ты не боишься ехать в город?

– А чего мне бояться в городе? – удивилась та. – Ты сама сто раз была в городе, да что там в городе, ты летала на экскурсию на Марс и на ту планету, забыла название, где по школьной программе воспроизводят мини-процессы развития неразумных колоний, а спрашиваешь, будто дальше комнаты в жизни не выходила.

– Да я не про этот страх.

– А про какой?

– Ну, – Яу покраснела, радуясь, что никто не видит. – Мама ведь хотела Эрима женить. Уверена, в своих планах она уже видела его зятем. Думаешь, она так легко отступится?

– Да при чём тут это? Она же тебя за него замуж планировала выдать, не меня. – Уверенно ответила Нинель.

– Может, теперь уже тебя? – осторожно предположила Яу.

Нинель и глазом не моргнула.

– Да вряд ли. Меня отправляют только потому, что я в тот вечер помогала господину Бослонцеву с приготовлением десерта, и мне удалось десерт не испортить, вот и всё. Мама не настолько вредная, чтобы менять дочерей, словно перчатки. Одна дочь не подошла, что, другую будет предлагать? Не понравится, третью? Нет, это не про Виолу.

– И то верно, – выдохнув, согласились сёстры. Во что, во что, а в любовь матери они, как многие другие юные и наивные девушки, верили безоговорочно.

Вечером Нинель прибыла в город.

Флаек у семьи Тенявцевых было пять: четыре одиночных и одна вместительная, массивная, на дюжину пассажиров. Нинель всегда тяготила к самой маленькой, ярко-зелёной капле, которая носилась быстрее остальных. Конечно, большинство путешественников любят летать, развалившись в удобном кресле, свободно вытянув ноги и разглядывая пейзаж в прозрачное стекло, но Нинель предпочитала смотреть вверх, где облака очень смешно шныряли по небу, то сбиваясь в темнеющие кучи, то, наоборот, тая и пропадая.

Вот и сейчас Нинель распрощалась с сёстрами и родителями, поцеловала в щёчку каждого, а Максимилиана дважды, запустила флайку, задала маршрут, высоту и максимальную скорость. Небо темнело на глазах. Флайка неслась так быстро, что поля и леса казались смазанными пятнами, зато дорога заняла меньше двух часов. Оставив транспорт в городе на временной площадке, Нинель пересела на такси и вскоре уже стояла перед домом своих родственников. За ней маячил биот-носильщик с большим вещевым чемоданом.

Семейство Маяковых, как и положено, встречало Нинель полным составом. Вера Маякова – двоюродная сестра Виолы была младше её на пятнадцать лет и внешне больше походила на ровесницу Нинель, чем на тётку. Её сыновья семи и десяти лет от роду выражали восторг от встречи громкими воплями, а муж, наоборот, то и дело зевал в воротник.

От шума и гама голова раскалывалась, зато не оставалось сомнений – любые кулинарные эксперименты этим окружением будут приняты благосклонно.

Выпив чаю и обменявшись новостями, Нинель отправилась спать, но из-за бессонницы большую часть ночи смотрела сериал про тайную дальнюю Вселенную, которую населяли портаторы – существа, умеющие перемещаться в пространстве. Войны у них по этой причине выглядели довольно нелепо – стоило одному выстрелить в другого, как тот пропадал, чтобы появиться за спиной первого, и ситуация повторялась.

Нинель легла спать только когда ей надоело смотреть рекламу, которая то и дело прерывала серии, – большую часть роликов шло восхваление кондитерских господина Бослонцева, где каждый «почувствует себя в золотом веке».

Следующим утром сложнее всего, конечно, было не проснуться, хотя и проснулась Нинель с трудом, а выбрать подходящий наряд. Маскарад в городе придётся отложить, опозоришься раньше, чем до места доберёшься, вырядаться – с какой стати? – в праздничном платье, что ли, по кухне таскаться? Так что выбор пал на прогулочный стиль – лёгкие светлые брючки, балетки, свободную сиреневую блузку и маленький рюкзачок. Поверх такого и фартук повязать можно, и по улицам побродить тоже можно.

И вот к десяти утра Нинель добралась к кондитерской по адресу, выданному Виолой. Трекер привёл её к пафосному магазину-кафе почти в центре города, которое само выглядело словно сладкий тортик. Ажурные решётки на окошках, тенты мятного цвета, изящные столики. Над дверью с цветным конфетным витражом висел золотой колокольчик. А уж от ароматов свежей сдобы можно было слюной захлебнуться!

Нинель одобрительно хмыкнула. Очень миленькое место, прямо на языке сладко стало. Пожалуй, задание освоить несколько блюд будет не таким уж и утомительным.

Она толкнула дверь, вслушалась в нежный звон колокольчика и переступила порог. Внутри было так же симпатично. Стеклянные прилавки, много света и белого цвета в интерьере, а уж сколько разноцветных сладостей, просто глаза разбегаются!

А ещё в кафе было множество девушек. Часть из них заулыбалась и словно стайка колибри бросилась в сторону Нинель.

– Добро пожаловать! Сегодня прекрасное солнечное утро, не правда ли? Вы правильно сделали, что зашли. Попробуете пончик или бисквит? Кофе или чай с молоком?

– Здравствуйте, – сказала Нинель.

Девушки заулыбались, одинаково сложив руки перед собой, и тогда стало понятно, что это продавщицы. Надо же – живые, не биоты! А этот городской выскочка не слабо тратит деньги.

– Чем мы можем вам помочь? – наперебой загомонили девушки. При более детальном рассмотрении оказалось, что на них форма, правда, разных цветов. Ну просто до мелочей продуманно!

– Я ищу Эрима. Он меня ждёт. Куда мне пройти?

Миг – и светлые улыбки работниц померкли, а глаза потемнели. Выглядело это так, словно на ясное небо набежали грозные тучи.

– Вы ищите хозяина? Зачем?

Вместо приветливых собеседниц Нинель вдруг оказалась один на один с весьма сердитыми особами. Даже чуть не отступила от них подальше, но в последний момент удержалась – чего-чего, а страх Нинель не уважала. Вместо этого задрала голову и повторила.

– Он меня ждёт.

– Вы напрасно сюда явились! Тут его нет!

Хм, а вот это было неожиданно. Нинель сделала, как велела мама – явилась по нужному адресу в нужное время. Время-то правильное? Она украдкой глянула на часы в виде цветка, висевшие над ближайшим прилавком. Всё правильно, минута в минуту. Тогда почему его нет?

Нинель нахмурилась. Девушки сбивались в кучу и грозно надвигались на неё, словно стая ворон на беззащитного цыплёнка.

Впрочем, назвать Нинель цыплёнком было никак нельзя. Занятая новостями, что ей придётся кого-то ждать, а обычно бывало наоборот, на мрачную атмосферу, внезапно воцарившуюся в кафе, она даже внимания не обратила, оглянулась только в поисках стула, куда собиралась сесть, чтобы дожидаться господина Бослонцева, ну или написать маме, объяснить ситуацию и получить дальнейшие инструкции.

Внутри кафе было всего четыре столика, остальные располагались снаружи, на свежем воздухе. Два были заняты опять же, девушками, только уже покупательницами. Смотрели они почему-то тоже весьма неодобрительно. А ещё два столика пустовали. Можно присесть.

– Девушка, вы зря тратите время! – внезапно сказала одна из продавщиц. – Вы разве не слышали? Хозяина здесь нет.

– Да, да! – загалдели остальные. – Его нет!

Нинель, конечно же, слушать никого не собиралась. Вот ещё будет она по сто раз на дню ездить туда-сюда, искать Эрима. Сказано, встреча запланирована на этом самом месте, так пусть будет любезен явиться!

Продавщицы тем временем так разошлись, что чуть ли не скопом приблизились, будто хотели телами вытолкать Нинель прочь из магазинчика.

Тут колокольчик звякнул и на пороге появился сам господин Бослонцев.

Наконец-то! Нинель поджала губы и неодобрительно покачала головой, намекая, что опоздания вообще-то в приличном обществе, мягко говоря, не приветствуются.

– Вы здесь? – спросил Эрим, одёргивая жилет. Выглядел он взъерошенным и запыхавшимся, будто собирался в спешке и всю дорогу бежал.

– Здесь, – подтвердила Нинель очевидное. Больше добавить ничего не успела, так как стайка девушек тут же о ней забыла, защебетала и запрыгала вокруг хозяина.

Наперебой звучало:

– Ах, это вы, Эрим! Как я рада вас видеть. Прекрасно выглядите, прекрасно, прекрасно выглядите. Присаживайтесь, не стойте. Вам безумно идёт этот пиджак, мой любимый цвет и фасон. Я принесу вам кофе. Или чай? С сахаром? Лимон? Сливки? Шоколад? Я принесу пирожное. Или пирожок? Вы завтракали?

И так далее и тому подобное. Нинель даже успела заскучать, наблюдая, как Эрима усаживают за столик и порхают вокруг него, услаждая слух приятными речами и заставляя столешницу массой чашек и блюдец. Посетительницы тоже, казалось, мгновенно преобразились и являли собой образчики изящества и воспитания – даже смеялись негромко и мило.

Через какое-то время господин Бослонцев сумел посмотреть мимо девиц и остановить взгляд на гостье. Махнул рукой.

– Нинель, присядьте. Я не успел позавтракать, а вы? Присоединитесь?

– Спасибо, я сыта.

– Тогда подождёте? Это не займёт много времени.

– Да, конечно. Подожду.

Как ни пытались девушки оттолкнуть Нинель – ненавязчиво – кто плечиком, кто бедром, кто локтем, она стойко прошла через скопление девиц и уселась напротив Эрима, морщась от особо нежных нот, то и дело проскальзывающих в окружающих голосах.

Понятно, подумала она. Завидный жених, холостяк, красавчик, да ещё и талантливый кулинар. Неудивительно, что тут битком набито дамами, жаждущими завоевать его внимание. Нет, зря Виола хотела выдать за него замуж Яу, определённо зря. Сестра слишком пуглива, опаслива, как дикий зверёк, да она сбежала бы в подобной ситуации при первых же признаках недовольства со стороны этих девиц, и она... была бы несчастна с Эримом, вполне очевидно. Так что Виола просчиталась. Как, интересно, она не смогла учесть того, что бросалось в глаза – Яу никогда бы не стала терпеть такого количества соперниц, она сдалась бы ещё до начала делёжки этого «ценного экземпляра».

Так думала Нинель, посматривая в сторону подсобных помещений и игнорируя недовольные взгляды работниц и посетительниц, которым очень не нравилось, что какая-то пришлая девица сидит за одним столиком с их великолепным хозяином. Нинель было на них плевать. Ей уже хотелось приступить к приготовлению десерта, чтобы потом съесть его со спокойной совестью – заслужила.

Наконец, Эрим допил кофе (надо признать, он почти спешил, что в подобном прилипчивом окружении всё равно что подвиг) и, тепло поблагодарив девиц, на что те ответили единым очаровательным вздохом, в компании Нинель отправился на кухню. Там, к счастью, никого не было. По словам Виолы, каким-то невероятным образом успевшей изучить распорядок дня кондитерских господина Бослонцева, утреннюю партию сладостей заканчивали выпекать к открытию, а вечернюю начинали после обеда.

В идеально чистой и тихой кухне после недавней болтовни стало жутковато. Эрим неуверенно откашлялся.

– Вы готовы?

– Целиком и полностью.

– Приступим?

– Давайте.

Нинель взяла из коробки у входа упаковку с чистым фартуком и колпаком. Эрим топтался рядом, словно до сих пор не пришёл в себя.

– Странно, что они вас там не съели вместе с десертом, – зудящим тоном заявила Нинель пару минут спустя. Она уже облачилась в поварской костюм, а Эрим всё ещё еле шевелился,

только пиджак успел снять, оставшись в одной рубашке и жилете, так что Нинель снова заскучала.

– Что? – Он рассеяно хлопнул глазами.

– Что, что. Странно, говорю, что они не растащили вас на кусочки прямо из-за столика!

– Не кричите, я не глухой.

Нинель пожала плечами.

– И что вы имеете в виду – растащили на кусочки? – Он, недовольно дёргая тесёмки, всё же надел и завязал фартук.

– Я имею в виду, что они от вас в восторге.

– Да, мои кондитерские считаются лучшими в городе, – самодовольно заявил господин Бослонцев, тут же напомнив Нинель тот момент, когда она встретила флайку с напыщенным идиотом из города. Именно такими фразами ему и положено было выражаться.

Она закатила глаза.

– При чём тут кондитерские? – Он что, правда не понимает? – Да все эти девицы тут собрались, чтобы заарканить вас и потащить под венец! Каждая из них из кожи вон лезет, только бы вы обратили на неё внимание. Дайте только повод, и опомниться не успеете, как к завтраму окажетесь на собственном бракосочетании в окружении сотен свидетелей и всех родственников счастливой невесты.

Его руки почти упали, выпустив колпак, который неторопливо спланировал на пол.

– Что вы сказали?

Нет, ну он правда будто не от мира сего. Нинель удивилась. Разве бывают в наше время такие несообразительные мужчины?

– Хм.

Эрим нахмурился.

– Нет, Нинель, вы ошибаетесь. Девушки просто очень добры и общительны. Но так у нас принято встречать любого посетителя, любого гостя!

Нинель вспомнила лица этих доброжелательниц, когда они приняли её за конкурентку и чуть не вытолкали за порог, и снова хмыкнула.

Эрим ещё немного подумал, нервно поправил рукой волосы.

– А даже если так... Вы что же, тоже хотите потащить меня под венец?

– Я?!

Нинель так поразились сделанному им выводу, что ей показалось, глаза сейчас вылезут из орбит. Хлопнула пару раз ртом, но ничего не смогла произнести.

– Понятно, – ответил господин Бослонцев, как Нинель показалось, с досадой. Схватил новый, чистый колпак и быстро нахлобучил себе на голову.

Точно, показалось.

– Давайте уже приступим к делу. – Она деловито пробежала взглядом по полкам с посудой. – Хотя я думала, что у вас тут курсы. Однако других учеников я почему-то не наблюдаю.

– Потому что их нет. – Он всё ещё недовольно хмурился. – Да и о вас я узнал только сегодня утром, из звонка госпожи Виолы. Как видите, даже позавтракать не успел, спешил появиться. Жаль, что никакой благодарности за эту спешку я не вижу.

Он направился к огромному холодильнику, открыл одну из створок и принялся буквально вышвыривать продукты на стол.

– Только утром? – Нинель удалось вовремя приглушить голос и сказать так, чтобы он не услышал. – Почему только утром?

Её чело прорезала складка. Что-то подозрительно это всё. Виола обычно заранее всё планирует и сразу выполняет. Что-то тут нечи...

– Подойдите сюда и слушайте! – рявкнул Эрим. – И готовьтесь хорошенько потрудиться, я строгий и крайне требовательный учитель.

Нинель скорчила пару гримас у него за спиной, а потом сладким голосом ответила:
– У вас не будет причин для недовольства, я ужасно прилежная ученица.

Особенно когда на кону отдых на Цирцее, о чём упоминать она не посчитала нужным.

Когда изумлённый подобным ответом Эрим повернулся, то встретил только чистый и открытый взгляд. Причин придираться не было, так что ему пришлось вернуться к делу, почти не останавливаясь на аккуратном фартуке, плотно облепившем гостью и на руках, которые Нинель спрятала за спиной, чтобы непроизвольно не сложить ему фигу.

– Начнём с зефира. Это самый простой рецепт из всех, которые нам предстоит изучить. Вначале приготовим классический, ванильный, после ягодный, и в конце концов – слоёное зефирное пирожное на бисквите.

– Не люблю зефир, – тут же мстительно заявила Нинель.

– А я люблю, – в тон ей ответил Эрим, а после перестал отвлекаться, действительно превратившись в учителя.

Урок пошёл в темпе быстрого танца. Нинель не то что язвить, она и смотреть не всегда успевала, тем более делать. Некоторые вещи господин Бослонцев вынужден был повторять по несколько раз, и снова открылась эта его черта – терпение. Качество, которым Нинель вовсе не владела, но зато уважала его обладателей.

Итак, они отмеряли, смешивали, взбивали, выдавливали из кондитерских конвертов, запекали и подсушивали, а уж напробовались так, что вскоре Нинель стало от сладкого подташнивать.

Она так увлеклась, что почувствовала недовольство, когда занятие завершилось. Вокруг на блюдах лежали груды зефира, среди стоял поднос с трёхслойными пирожными, но больше всего было грязной посуды, которую тут же принялся мыть биот-работник.

Господин Бослонцев снял колпак и фартук, бросил в корзину с грязными фартуками и сказал:

– Ну вот, на сегодня всё. Теперь домашнее задание. Создайте трёхслойное пирожное, а вкусы выберете сами. Попробуйте найти оригинальные сочетания. И помните – меня крайне сложно удивить.

Выдав задание, Эрим незамедлительно отбыл, чем расстроил девиц, которые так и толпились в кафе, словно нечем больше было заняться.

Нинель собралась и ушла как раз перед появлением поваров дневной смены. По дороге из витрин кафе её спину пронзали женские завистливые взгляды. Жаль только, Нинель об этом не узнала – уж о чём, о чём, а о других, если они не входили в число её семьи, она не волновалась.

Семейство Маяковых уже ждали её возвращения. Оказывается, Виола наобещала им кондитерских чудес с три короба, но так как следовало выполнить домашнее задание и заодно порадовать возможных инвесторов, Нинель была не против. Поэтому хорошенько отдохнув, ближе к вечеру отправилась на кухню и принялась творить.

Сам рецепт и этапы приготовления она прекрасно помнила. Вопрос оставался только во вкусах. «Оригинальные сочетания» он сказал, с таким снисходительным видом, будто не сомневался – у Нинель ничего не выйдет.

Конечно, первым делом она хотела пойти самым лёгким путём – любая ягода, сливки и шоколад, вот три слоя, которые всегда идеально сочетаются.

Но ведь тогда Эрим самодовольно ухмыльнётся и ещё не раз припомнит её провал. Значит, нужно что-то другое.

Решение нашлось, но думать пришлось часа три. Было непросто. Перебрав и дойдя до таких редких вкусов, которые заказывают чуть ли не на краю Вселенной, Нинель вдруг поняла, что, наоборот, нужно действовать иначе. Нужно быть проще. Например, чего жаждут туристы, помешанные на экологических продуктах? Совсем не инопланетных яств. Они хотят местного колорита. И всё.

Теперь о вкусах. Необязательно это должны быть ягоды или фрукты, иначе слишком просто. Местное, но экзотика... Лаванда! Нинель чуть ногти не сгрызла, когда представила результат – слой ванильный, это основа, потом лавандовый, переливчатый острый вкус, а потом... мёд, да! Медовый верх, терпкая сладость. И не мягкий бисквит, нет, основа должна быть из песочного теста. А песочное тесто – это те же печенья, только другой формы! В этом она мастер!

Лаванду, правда, пришлось заказывать, как и краситель, зато Нинель так загорелась своей идеей, что работать ей было вовсе не в тягость. В результате перед ней стояли чудные пирожные нежнейшего цвета. Украшений только нет, до украшений занятия не дошли. А ещё Нинель сделала вторую порцию, простую, сливочно-шоколадную, для семьи Маяковых. Вряд ли дети обрадуются необычному лавандовому вкусу, такое распробует только гурман. В кафе в меню тоже следует внести два вида слоённых зефирных пирожных – обычное и экзотическое.

Экзотическое Нинель уложила в коробку и спрятала в холодильник, чтобы отчитаться завтра перед Эримом, а обычное оставила на ужин.

Каково же было её удивление, когда минут за десять до начала ужина у дома семейства Маяковых, спеша, приземлилась уже знакомая флайка и ужасно деловой и сосредоточенный на каких-то своих мыслях господин Бослонцев размашистым шагом направился к двери. Вера вышла его встречать, шепнув Нинель, что они, оказывается, знакомы ещё со времён визита Максимилиана, который случился несколько месяцев назад, и на днях Виола предупредила, что Эрим может появляться в их доме до тех пор, пока Нинель не закончит обучение.

О чём её саму по какой-то причине не предупредили.

Эти мамы промашки уже начинали надоедать! Из-за её забывчивости Нинель не оделась подходящим образом, а ходила в любимом домашнем платье, которое ей было мало, так что при посторонних его не стоило надевать. Но перед гостем, конечно же, пришлось выглядеть приветливой и улыбчивой. И постараться не злиться, когда Бослонцев, конечно же, не преминул заметить неприлично тесный наряд. Сам-то он был одет хотя и слегка небрежно, в джинсы и джемпер, но очень хорошо, наверняка специально прихорашивался, ведь не может же мужчина выглядеть так всегда?

Войдя и увидев Нинель, Эрим отчего-то побледнел и вздрогнул, потом отвёл глаза и сказал:

– Ну-с, надеюсь, домашнее задание выполнено, иначе, напоминаю, я крайне строгий учитель!

– Конечно, выполнено, – почти без обиды ответила она. Так и знала, что тесные лиф, рукава и короткий подол платья вызовут такую реакцию. Боже, дай силы терпеть эту его жуткую педантичность и придирчивость! До чего же он вредный!

– Будем проверять.

Ужин прошёл довольно весело.

Мужчины говорили о каких-то проектах по улучшению среды города, Вера и Нинель по большей части молчали, первая, потому что следила за мальчишками, не давая баловаться за столом, вторая, потому что город её совершенно не интересовал. Тем более она решила, что устала, всё-таки целый день училась и работала.

Интересно, а ведь Эрим тоже целый день занимался делами? С утра вскочил ни свет ни заря, во время занятия четыре раза отвечал на важные звонки, три из которых требовали личного разбирательства, чем он и собирался заняться после обеда. А к вечеру вместо отдыха явился сюда, проводить экзамен.

Нинель это почти польстило. Почти.

Но потом основное блюдо было распробовано, и домашний биот семейства Маяковых внёс десерт. Простой, конечно же, как и было велено. Мальчишки завизжали, Вера от переизбытка чувств хлопнула в ладоши, а вот экзаменатор... Нинель про себя вскипела, но виду

не подала. Она многое бы поняла и простила, но вот написанная на его лице некая жалость, что ли, или даже разочарование – этого допустить никак невозможно! Будет её ещё какой-то городской выскочка жалеть!

Она вскочила и, не глядя, положила руку на спинку стула Эрима. Прочедила как могла вежливо:

– Тётушка, позвольте, нам с господином Бослонцевым нужно срочно проследовать на кухню.

Вера как раз принимала блюда с пирожным у биота. Рассеяно спросила:

– На кухню? А как же десерт?

– О, не волнуйтесь, тётушка! Я приберегла для дорогого учителя лучший кусочек.

Одновременно со словами Нинель дёрнула стул, на котором всё ещё сидел Эрим, мечтая выдернуть из-под него сиденье, но силёнок не хватило, и стул едва покачнулся.

– Идёмте же, – прошипела она ему на ухо.

Господин Бослонцев поспешно встал, аккуратно сложил салфетку на край стола и вежливо поклонился хозяевам дома.

– Прощу прощения, вынужден уйти.

Нинель уже нетерпеливо подталкивала его в сторону кухни.

Оказавшись в пространстве духовок и сковородок, Нинель сердитым шагом направилась к холодильнику, пытаясь вспомнить, куда сунула предназначенный Эриму десерт.

– Не стоит так расстраиваться, – вдруг участливо сказал «строгий учитель». – Умение готовить качественные классические десерты тоже ценится.

Как фурия, излучая злобу, Нинель дёрнула дверцу третьего по счёту холодильного отсека, не удержалась, обернулась и... слова застряли у неё в горле.

Она не смогла ничего сказать, не смогла наругать. Не за что было. Наоборот, образ городского хлыща в очередной раз пошатнулся – искренняя поддержка вместо злорадства со стороны типа, которого Нинель периодически считала чуть ли не личным врагом, стала большой неожиданностью. Ни малейшего злорадства в лице или голосе, ни малейшей насмешки. Впрочем, насмешки Нинель не пугали, они вызывали у неё зевоту. Но вот разочарование... такого простить было невозможно.

Нинель молча вытащила коробку, швырнула перед ним на стол... то есть не швырнула, хотя очень хотелось, а просто громко поставила, а потом потянула за ленточку и коробка раскрылась. Лавандовое чудо явило свету свою трёхслойную структуру.

Пока Эрим ошарашенно разглядывал пирожное, Нинель уже протянула ему вилку – первую, что попало под руку, но он не сделал замечания. Взял и отхватил у пирожного треть, потом разбил на слои. Попробовал вначале целиком, потом по частям, потом помолчал.

Нинель стояла над ним, прямая и гордая, как королева. Её глаза метали молнии правосудия.

Наконец, господин Бослонцев отложил вилку и неловко откашлялся.

– Я не ожидал. – Он поднял глаза и его растерянный вид был как бальзам на душу. – Это просто великолепно!

«Ещё бы, – подумала Нинель, задирая подбородок всё выше и не потрудившись ответить. – Конечно, великолепно, как иначе?! Знай наших!»

Ещё раз взглянув на тарелку с остатками пирожного, господин Бослонцев взял салфетку и медленно вытер руки. Вздыхнул.

– А ведь меня не так просто удивить.

Нинель не сдержалась и фыркнула. А потом вдруг увидела, как он на неё смотрит – столько жара было во взгляде, что в лицо словно раскалённым воздухом дохнули. От неожиданности она вздрогнула, и Эрим быстро опомнился, тут же пробормотал нечто невразумительное про важные дела и распрощался.

Рассеяно выслушав комплименты Маяковых, Нинель пожелала всем спокойной ночи и ушла спать. Перед сном провела с собой воспитательную беседу. Ей предстояло собрать все свои жалкие силы, чтобы продержаться сколько необходимо, работать каждый день. Уж больно на Цирцею хотелось.

Вот так и началось обучение Нинель кондитерскому мастерству.

Явившись следующим утром в кафе, она как ледокол прошла сквозь строй недовольных девиц, которых ничуть не убавилось, и нашла господина Бослонцева на кухне в колпаке и фартуке. Почему-то ощутила при виде его плеч и рук неловкость, поэтому впредь думала над каждым своим словом и делом. Эрим тоже осторожничал. Несмотря на отсутствие зрителей, вели они себя так, словно демонстрировали всему миру искусство общаться не общаясь.

Вскоре Нинель, конечно, устала от своего размеренного спокойного голоса и с облегчением вздохнула, когда занятие завершилось. Чтобы как-то прийти в себя, она даже задержалась у прилавков, где полчаса выбирала пирожные к ужину, задавая продавщицам десятки вопросов и наслаждаясь бешенством в их глазах. Хоть так душу отвела.

И следующим днём Нинель вела себя словно святая. Больше всего её пугала собственная робость и невозможность с этой робостью бороться. По вечерам, перед сном, Нинель не могла понять, что такого заставляет её вести себя днём, словно заторможенная рыбина с приклеенной улыбкой, верно, она просто выдумывает, но стоило снова увидеть Эрима, как робость возвращалась.

В конце концов она перестала себя узнавать. И ходила вечно хмурая и мрачная. Да, сладости получались, умения улучшались, однако в характере словно что-то надломилось. Она была такой послушной, вежливой и прилежной, что саму себя терпеть не могла.

Кто знает, возможно, Нинель сдалась бы, послала к чёрту Цирцею и уехала домой, не доведя дело до конца, но однажды за ужином Вера, улыбаясь, сообщила радостную весть – все они приглашены на бал в загородное имение неких господ Пуповых, которые оказались общими знакомыми господ Звягиных и того самого министра, на дочери которого собрался жениться Артур. Конечно же, приглашено всё семейство Тенявцевых, так что Нинель сможет не только передохнуть, но и танцевать, сколько душевнике угодно, а ещё повидать сестёр. А то это обучение совсем замордовало бедную девочку, она стала грустная и вечно раздражённая.

Вообще-то Нинель не очень любила посещать балы, уж очень замороченными были тамошние традиции, но сейчас при мысли о танцах и семье, а особенно о вынужденных прогулах в учёбе, она тут же воспряла духом, быстро отправила сообщение Эриму, поставив того в известность о своём отсутствии в ближайшие два дня и бросилась звонить Марии – только та могла подобрать идеальное платье и аксессуары, а если уж идти на бал, то во всеоружии.

С утра Нинель вылетела в усадьбу господ Пуповых. Дорогой она просматривала новинки моды, а также не изменился ли перечень обычных для бала танцев и блюд. С танцами оказалось всё в порядке, ничего такого, по чему было бы невозможно сориентироваться в процессе, а насчёт блюд – появился новомодный деликатес, суп-желе, который следовало резать ножом и специальным устройством быстро подцеплять желе, чтобы она обратно не соединилось. Засасывать его следовало, как устрицу, но деликатно, чтобы не вышло некрасивого звука. В общем, предстояло помучаться, ведь в таком знаменитом и влиятельном семействе наверняка не обойдётся без новинок. Пришлось просмотреть ролик об использовании данного устройства, ведь отказаться от блюда – наверняка гордости повара господ Пуповых не было никакой возможности, такого оскорбления не простят.

Усадьба, конечно, впечатляла, прежде всего, размерами. Даже от лётной площадки до лестницы в большой трёхэтажный дом ходил миниатюрный самоходный автомобиль. Проще было бы пройти, но Нинель всё же уселась на сиденье и со скоростью черепахи проехала мимо цветущих душистых кустов, сияющих пёстрыми гирляндами.

Сёстры и родители уже прибыли. Нинель даже не думала, что так по ним соскучилась! Даже по младшей Глаше, от шалостей которой покоя никому не было. По её милости некоторые ходили то криво стриженные, то крашенные в непонятные цвета, то лишались привычной одежды. Как ни странно, Глаше ничего за её выходки не было, остальным бы влетело за милую душу, но младшую Виола никогда не наказывала. Ходили слухи, что Глаше не повезло с первой приёмной семьёй, там было настолько ужасно, что она никак не может забыть и поверить в существование других семей. И заодно ревнует. В общем, даже Глашу Нинель тискала в объятиях не меньше остальных.

Максимилиан от женщин быстро сбежал, а в гостиную, объединяющую комнаты семейства Теняцевых пришли соседи – мать и дочь Звягины. Леся выглядела очень мило в своём светлом полосатом платье, а Валерии не терпелось обсудить сына. Они с Виолой уселись за небольшой столик и едва успели обменяться любезностями, как соседка запримечала:

– Ах, Виола, я так нервничаю, так нервничаю! Ужасно боюсь за Артура. Он же такой ранимый, так тонко чувствует! Угораздило же его выбрать себе невесту настолько выше по статусу.

Сидящие чуть дальше старшие сёстры многозначительно переглянулись. Без слов было понятно, что выражение «такой ранимый» по отношению к Артуру употреблять не стоит. Это так же нелепо, как верить в наличие души у камня. Хотя его всё же жаль. Придётся соответствовать запросам министра, а Звягины пусть и довольно богаты, но они по сути фермеры. Непросто ему будет, ох, непросто. Глядишь, отольются кошке мышкены слёзы, побывает в шкурке тех, кого всё детство изводил.

Впрочем, у сестёр так же было о чём поговорить.

– Я жутко боюсь идти на этот бал, – прошептала Яу, убедившись, что младшие не подслушивают.

– Отчего же? – спросила Нинель, хотя ответ знала. И точно!

– Вдруг сделаю что-то не так. И сама опозорюсь, и вас опозорю.

– Можешь смело меня позорить, – великодушно разрешила Нинель. – Особенно когда я в таком красивом платье.

И правда, платье цвета мяты, распечатанное по эскизу Марии, было простым и изящным, ну просто вершиной скромности! А белые цветочки, украшающие вырез и рукава, вызвали неизбежную улыбку умиления.

– Всё будет хорошо, мы же рядом. – Мария слегла пожала сестре руку. – Не волнуйся.

Госпожа Звягина тем временем не унималась.

– За год, Виола, ты представляешь? Всего за год он смог пройти весь курс и сдать экзамены. Я уверена, что это из-за неё, из-за Кадриэль! Ты же знаешь Артура, он не особо-то любил учиться и работать. А теперь его словно подменили.

– Разве это плохо? – осторожно спросила Виола.

– Пока не знаю. Он так старается... Но если его не оценят, если не увидят, сколько усилий прилагает мой мальчик, боюсь, это его подкосит. Боюсь, он не оправится.

Нинель хмыкнула, представив Артура с привычно наглым выражением лица, которого не пойми с чего подкосило так, что он упал плашмя на землю и никак не может подняться, и снова переключила внимание на сестёр.

Мария прекрасно выглядела, как ей удавалось, просто загадка. Врождённое чувство вкуса, ничего не попишешь. Вот и сейчас она выбрала причёску в виде прямых волос с еле заметной цепочкой поверху, просто, но до удивления изыскано, как почти всё, что она делала.

– Ну как твоя кулинария? – заметив взгляд сестры, спросила Мария.

– Терпимо.

– А как Эрим? – понизив голос, добавила Яу.

– В порядке, что с ним сделается? – пожалла Нинель плечами. Признаться, она так обрадовалась встрече с родными, что даже про господина Бослонцева забыла. А теперь вспомнила и снова почувствовала ту неловкость и заостенелость в теле, от которой порядком устала. Правда, рассказывать сёстрам побоялась.

– Спасибо тебе, – Яу вдруг схватила её за руки и затрясла. – Что тогда поменялась со мной местами. Теперь мама совсем забыла про меня, не рассказывает, как прекрасен господин Бослонцев. Я испытала такое облегчение, словно гора с плеч свалилась! Правда, теперь она взялась за Марию.

Яу умоляюще взглянула на Марию. Та легко улыбнулась.

– На самом деле я решила, что не против. Если мама считает нужным найти мне жениха, я готова к нему присмотреться.

– Ты что? – вскрикнула Нинель, да так пронзительно, что все присутствующие на них обернулись. Пришлось извиняться и ждать, пока разговоры возобновятся.

– Я решила, что возможно, в этом нет ничего страшного. Наоборот, мама хорошо нас знает и наверняка выберет подходящего мужчину, ведь у неё больше жизненного опыта.

– Ну уж нет! – постановила Нинель, рубанув воздух ладонью. – В таком деле нужно выбирать сердцем, а не родительскими советами. Тем более гормоны никто не отменял. Как мама узнает, к кому нас потянет физически, к кому нет?

– Я не говорю, что сразу брошусь под венец, – спокойно ответила Мария. – Но к кандидату присмотрюсь.

Сказано было тихо и уверенно, как всё, что говорила Мария, стало понятно – она не передумает.

Вскоре начались приготовления к балу, а после – сам бал. Масштабы торжества завораживали. Конечно, огромный зал был украшен так, что не к чему придраться – в лучших исторических традициях восемнадцатого века. И хотя под свечи маскировались хитрые лампы с иллюзией горения, а музыканты и обслуживающий персонал были биотами, общую атмосферу это никоим образом не нарушало.

Народу тоже было довольно много, все сплошь незнакомцы. Семейство Тенявцевых чуть ли не впервые выехало на торжество в город, ранее балы проходили только в провинции среди соседей. Звягины держались поблизости, обе дамы явно нервничали, Леся пряталась за своим веером и периодически принималась дрожать.

Виола, однако, чувствовала себя как рыба в воде. Она то и дело пересматривалась с кем-то, здоровалась, улыбалась и сыпала комплиментами. Создавалось впечатление, что гости собрались не в доме Пуповых, а в доме Тенявцевых.

Так как знакомых было немного, то и танцы начались без участия сестёр. Но уже со второго полонеза начали подходить молодые люди, которые представлялись Виоле и Валерии, а после приглашали девушек в зал. Нинель потанцевала с высоким блондином, наделённым высокомерной физиономией и с рыжим юрким молодым человеком, который то и дело ей подмигивал. Было весело.

И вот, когда объявили перерыв, к гостям вышли хозяева. Пожилая пара, оба полные и добродушные, они прошлись по залу и сразу же оставили гостей одних, наказав как следует веселиться. После их ухода танцы возобновились.

Тут госпожа Звягина вдруг то ли пискнула, то ли вскрикнула:

– Артур!

Нинель подобралась, рыская глазами по окружающим. Точно, к ним приближался Артур на пару с незнакомой девушкой, очевидно, невестой. Шли они хоть и неторопливо, то и дело кивая и улыбаясь всем встречным, но целенаправленно и вскоре оказались рядом.

– Мама, – подойдя, Артур поцеловал Валерию в щёку. – Госпожа Тенявцева, девушки. Рад видеть вас всех в добром здравии. Чудесно выглядите.

Такой уверенный, точный поклон, фрак цвета кофе с молоком и белоснежная рубашка, Нинель его даже не сразу узнала. Попыталась припомнить, видела ли его хоть раз прилично одетым – нет, не было такого ни разу.

– Вот что делает с людьми любовь, – за спиной Виолы прошептала Нинель Мария.

– Добрый вечер, – сказала сопровождающая Артура девушка. У неё было точёное личико и слегка капризные губки, но в остальном она Нинель понравилась, по крайней мере, не жеманничала и не скалилась как полоумная. Платье на ней было, конечно же, не только модное, но и идеально сидящее, и идеально подходило к цвету волос и глаз, даже Мария одобрительно улыбнулась.

Пока Артур представлял девушек друг другу, начался новый танец. Последний перед ужином, так что Нинель даже слегка расстроилась – хотелось танцевать, а не перебрасываться бессмысленными фразами с соседом, которого она с детства недолюбливала. Возможно, Кадриэль относилась к нему иначе, а для дочерей Тенявцевых он всегда останется противным мальчишкой!

– Лиран! – вдруг воскликнула Кадриэль. – Вот ты где! Прошу, подойди к нам.

Оказалось, речь идёт о её родном брате. Он подошёл вместе с двумя друзьями – тем самым рыжим, с которым Нинель танцевала и со вторым, брюнетом в чёрном фраке. Так как большинство мужчин было в светлой одежде, этот выделялся словно ворон. Рыжего звали Осип Январский, а чёрного – Дементий Патрушев. Рыжий пригласил на первый после ужина танец Марию, Дементий – Яу, а Нинель достался Лиран. Он был таким же тонким и изящным, как сестра, но это никоим образом не портило его мужественности.

Вот такой нужен Яу, подумала Нинель, любуясь его прямой осанкой и плавными движениями. Такой не будет давить на сестру ростом и массой, такого та сможет искренне, без страха, полюбить. А какая харизма! Таким можно любоваться годами и не наглядеться. То, что требуется не переносящей чужого внимания Яу.

Однако стоило так подумать, как Нинель сама себя испугалась – неужели она становится похожей на маму? Нет? Но как иначе объяснить эту непонятно откуда взявшуюся привычку примерять встречаемых молодых людей сёстрам?

Может, мама не так уж и виновата? Возможно, на неё действует какая-то непреодолимая сила, заставляющая соединять окружающие сердца?

За ужином Виола не теряла времени даром. Ей повезло с соседкой – такой же открытой и общительной женщиной, которая, не моргнув глазом, выболтала ей, что Осип Январский сын богатого промышленника и владеет большим состоянием. Лиран, понятное дело, тоже не бедствует с папой-министром, только про Дементия она ничего не знала.

– В любом случае он не может быть из другого круга, – почти обиженно заявила мамина собеседница. – Иначе бы тут не оказался.

– Совершенно с вами согласна, – промурлыкала Виола и, прикрыв глаза, взглянула в сторону Осипа. Сидевшая напротив Нинель узнала этот взгляд – так кошка смотрит на мышь.

Перед сном она рассказала о своих наблюдениях сёстрам. Не о тех, естественно, которые сделала сама, а о тех, которые почерпнула, следя за Виолой.

– Кажется, мама нашла новую жертву, – приглушив голос, смеялась Нинель. – Бедолага Осип. На ком, интересно, его собираются женить? Мария, раз Яу уже пробовали, и не вышло, значит, или ты, или я.

Мария пожала плечами.

– Надеюсь, ты.

– Что, не понравился?

– Он очень мил, – сухо ответила сестра.

– О, конечно! На сегодняшний бал пригласили только милых людей. Кому нужны остальные?

– Зачем вы опять это обсуждаете? – кусая губы, заговорила Яу. – Может, мама ни о чём таком не думала!

Она слишком разнервничалась, но тема была уж больно вкусной, чтобы Нинель так просто сдалась.

– Как же, не думала. Да у неё на лице всё написано! Но Мария, мне он тоже вовсе не понравился. Что будем делать? Как делить?

Нинель хотела пошутить и посмеяться, но сёстры отчего-то не были настроены веселиться. Яу опять поникла, разговоры о замужестве всегда на неё так действовали, Мария тоже как-то заскучала.

– Да ладно вам! У вас обеих такой вид, будто вы на самом деле уверены, что мама выдаст вас замуж силком. Всегда же можно отказаться! А если попытаются приказать – просто... да хоть сбежать!

– Прошу, давайте прекратим этот разговор, – попросила Яу.

Нинель вспомнила, что в последнее время действительно слишком много думает о женихах и замужестве и, пока никто этого не заметил, поспешила согласиться.

Остаток ночи они потратили, мечтая о Цирcee.

Следующим днём Нинель вернулась в город к семейству Маяковых, которые бал вынуждены были пропустить по причине того, что их младший сын неожиданно заболел. Чтобы как-то поддержать семью, погрузившуюся в уныние, Нинель отправилась на кухню и испекла бисквитный торт со сливками и шоколадными чипсами. Сама не ожидала, что выйдет с первого раза и так вкусно! Ну, если после стольких усилий туристы откажутся вычищать их будущее кафе дочиста и Нинель не отправится на курорт, она точно навечно разочаруется в труде!

Реакция семейства Маяковых только подтвердила, что Нинель умница! Господин Маяков прямо заявил, что ранее сомневался в целесообразности вложения капитала в расширение экофермы Тенявцевых, однако сейчас убедился, что дело вполне может оказаться прибыльным, так что стоит рискнуть. Мальчишки, и приболевший, и здоровый съели по одинаковому огромному куску торта, и в процессе поедания нельзя было определить, у кого же температура – настолько довольными и здоровыми они выглядели. Правду говорят – иногда сладости лучше всякого лекарства.

Конечно, на следующее занятие Нинель отправилась, полная осознания собственной исключительности. Она умеет создавать идеальные сладости! Она однозначно заслужила хотя бы недельку отдыха на Цирcee! А лучше – месяц, да, месяц будет как тем сроком, когда успеваешь соскучиться по дому и не успеваешь устать от отдыха. Мастера должна хорошо отдыхать. Да если хорошенько подумать, она может... может открыть свою кондитерскую в городе, ничуть не хуже кондитерских Бослонцева, и составить тому достойную конкуренцию! Он вообще, возможно, сдаться и прогорит, а Нинель, как всегда, мечтала, будет жить в роскоши, ни от кого ни зависеть и не перетруждаться.

Она воспрянула духом. Чем ближе становилась кондитерская и встреча с господином Бослонцевым, тем больше становился мандраж. И робость возвращалась. А так представишь, что он в обносках просит милостыню у её новенького великолепного дома – и самодовольство закрывает собой все остальные непрошенные ощущения.

Так Нинель и вплыла в кафе – с высокомерным видом.

Девиц было, как обычно, навалом. Только какие-то скучные у них нынче физиономии, никакой агрессии с их стороны не видно, одна только апатия. Проверив кухню, Нинель поняла – хозяин тут без неё не появлялся. Так вот почему все дамы такие унылые!

Она осталась на кухне, нетерпеливо постукивая носком балетки по полу. Надо же, снова опаздывает! Мог бы и предупредить!

Может, письмо оставлял?

– Липучка, проверить сообщения от контакта «Эрим Бослонцев».

– Названный контакт в списке отсутствует.

«Как?» – подумала было Нинель в панике, она же совсем недавно ему писала, как тут же вспомнила.

– Проверить сообщение от контакта «Индюк надутый».

– Проверяю. Сообщений нет.

Каков наглец! Мало того что опаздывает, так ещё не предупреждает, хотя это обязан сделать любой мало-мальски воспитанный человек.

Нинель почувствовала злость и нездоровое возбуждение. С ней случилось странное раздвоение – одна часть прекрасно понимала, что стоит держать себя в руках и не совершать необдуманных поступков, о которых потом будешь жалеть, а вторая, обрадованная отсутствием робости, которую надо признать, Нинель уже побаивалась, твердила – покажи этому городскому пижону, какова ты в гневе! Пусть он испугается и перестанет смотреть на тебя так, что мурашки по телу. Пусть раз и навсегда уразумеет – ничего такого к нему Нинель не чувствует!

Ну разве что...

Ничего такого!

Недолго думая, Нинель приняла боевую позу – упёрлась руками в бока и крикнула:

– Липучка, вызов контакта «Индюк надутый».

– Вызываю.

На уровне глаз Нинель мгновенно открылся экран и раздался гудки.

По экрану пробежала рябь и пропала, раздался щелчок, вызов приняли. Включилась камера, и Нинель неожиданно оказалась лицом к лицу с Эримом. Он был собран, видимо, только выходил из дому. Слегка рассеян, чуть-чуть растрёпан, вернее, из причёски выбилось пару прядей, и удивительно красив.

Руки прямо зачесались, так захотелось потрогать его лицо и волосы.

В горле запершило, так что Нинель проглотила всё, что собиралась сказать. Этой заминкой тут же воспользовался Эрим.

– Нинель! Рад вас видеть. Вы прекрасно выглядите!

Молчать дальше было бы невежливо.

– Благодарю, – сухо ответила она, отодвигаясь, и сложила руки на груди.

– Как ваш отдых? Достаточно ли вы повеселились, чтобы собраться с силами и вернуться к занятиям? – с улыбкой поинтересовался «индюк», чем поставил Нинель в тупик. Разве его не терзает вина за опоздание?

Нет, хватит мяться, словно нежная незабудка какая-нибудь.

– Именно по этой причине я звоню.

– Да? – удивился господин Бослонцев.

– Да. Хотелось бы знать, отчего вы не потрудились сообщить, что...

– Подождите. Да о чём вы? Нет... Конечно, я ничем не собирался вас оскорблять, только не пойму... Вы меня ждёте? Где?

– Как где? – Да он попросту издевается! – Там же, где и прежде, на кухне вашей кондитерской.

– И что вы там делаете?

Это было выше её сил! Нинель прикрыла глаза, призвав на помощь последнее, что имелось в арсенале – мечты о Цирцее.

«Цирцея, – думала она. – Океан. Жёлтый песочек. Белые барашки. Лазурное небо. Карликовые кабанчики. Весёлое похрюкивание. Шезлонг с полосатым матрасом. Дыши глубже, Нинель, крепись».

– Кажется, возникла какая-то путаница? – тем временем говорил Эрим. – Вы сообщили, что будете отсутствовать три дня, я ждал вас завтра.

Бам-с. Идеальная картинка пляжа лопнула, словно мыльный пузырь. Нинель почувствовала, как её гладкое чело разрезает хмурая складка.

– Как три? Не может этого быть! Вы перепутали, я писала – два.

Господин Бослонцев молча отправил ей обратно её письмо. Текст неумолимо сообщил: «В связи с посещением бала буду отсутствовать три дня».

Это было словно пощёчина. Выходило, Эрим на самом деле не виноват, а Нинель так себя вела, будто... будто злая жена. Да, она вела себя непозволительно, просто ужасно!

– Прошу прощения, – выдавила Нинель сквозь зубы. Извинение далось ей так же тяжело, как и признание самой себе, что она невероятная тупица.

Господин Бослонцев кивнул.

– Извинения приняты. К сожалению, сегодня мой день распланирован, однако завтра утром я буду вас ждать на прежнем месте в прежнее время.

– Да, спасибо.

Он замялся, но всё ж спросил:

– И как прошёл бал?

– О, отлично! – бросила Нинель. Хотелось отключиться и спокойно заняться самоистязанием, однако первым должен был отключиться он. – Просто великолепно.

– Виделись с сёстрами?

– Да, все в добром здравии.

– Вы танцевали?

– Каждый танец.

– А новые знакомства? В таких местах всегда встречаешь новых людей.

– Да, знакомств было предостаточно. Отличные молодые люди. Один другого краше. Все из высшего общества, потомки громких фамилий. Мама каждого из них была бы рада видеть своим зятем. Они настолько хороши, что думаю, нечто подобное действительно может произойти.

Неожиданно Эрим замолчал. Нинель не обратила внимания, как сузились его глаза, слишком была занята, переживая и стыдясь своих недавних обвинений.

– Вот как? – наконец, спросил господин Бослонцев.

– Да, да, – рассеяно подтвердила Нинель, даже не вдумываясь, о чём речь. – Великолепный бал, кавалеры выше всяких похвал. Я в восхищении, да.

– Я рад. До завтра!

Миг – и он отключился.

О, день начинался безобразно. Надо же было так оплошать! Единственное, что порадовало душеньку Нинель – девицы, которые, стоило мимоходом упомянуть, что завтра утром она встречается тут с Эримом, да, да, именно с Эримом, а не с господином Бослонцевым, они ведь хорошие знакомые, тут же активизировались и засуетились, словно разворошённый улей. Было приятно чувствовать себя особой, вокруг которой всё вертится. Ну а в остальном день прошёл скучно.

Следующим утром, хорошенько выспавшись и решив с утра не спешить, Нинель долго прихорашивалась перед зеркалом, вспоминая наставления Марии. Обычно она пропускала советы мимо ушей, однако сегодня по необъяснимой причине захотелось подобрать наряд, который Мария безоговорочно бы одобрила.

Пришлось остановиться на платье. Да, конечно, по кухне удобнее передвигаться в брюках, ничем не стесняющих движений, однако удачно подобранное платье даже Нинель превратит в прекрасную чаровницу. А одобренное Марией платье не может быть неудачным!

И конечно же, Нинель наряжается не для того, чтобы поразить Эрима, и речь нет! Но всё же приятно было бы посмотреть на его физиономию, явись она во всей красе.

Решено!

Нежно-голубое платье мягко облепило бёдра и спустилось до самых щиколоток. Нинель застегнула поясик и поправила ляпочки. Взяла накидку из бежевого кружева и самую маленькую сумочку в виде большого кленового листа.

– Прекрасно выглядишь! – сказала Вера, когда Нинель пробежала мимо, спеша к транспортной платформе. – Только сумкой не размахивай, ещё улетит.

– Спасибо, – засмеялась Нинель, крепко сжала кленовый лист в руке и поспешила на учёбу.

Добравшись до нужной остановки, она приосанилась и плавно поплыла в сторону кафе, которое уже виднелось дальше по улице. Прошла мимо зоолавки, откуда выпорхнула стайка птичек с голубыми грудками. Окружив Нинель, птички воспроизвели короткую приятную мелодию и скрылись в магазине.

Даже настроение повысилось. Понятно, что это рекламный ход, однако, до чего же приятно! Словно настоящие дикие птицы оказались покорены миловидностью Нинель. Словно сама природа не способна перед ней устоять.

Так, вся в мечтах, в облаке радужного настроения, Нинель добралась до кондитерской и вплыла внутрь.

И что же она там увидела?

Господин Эрим Бослонцев восседал за столиком, а вокруг толпились девушки – кто-то успел занять стулья, кто-то стоял так близко, что ещё чуть-чуть – и окажется сидящей на столе, а то и на его коленях. А этот городской пижон довольно улыбался, сверкал белоснежной улыбкой, то и дело потряхивал головой, заставляя белокурые локоны падать на лоб, чем вызывал беспрестанные восторженные вздохи. В общем, красовался как мог.

– А может, вы согласитесь посетить представление северного народа Акуя? Завтра премьеры, – тараторила девица в белом, наклонившись и чуть ли не дыша ему в лицо. – Я могу достать билеты.

– С радостью... в следующий раз. – Мило улыбался Эрим.

Нинель показалось, господин Бослонцев сразу заметил её появление, но проигнорировал. Вместо того чтобы встать и заняться делом, то есть обучением, он продолжал сидеть на месте, обласканный вниманием девиц, томно улыбался, отвешивал и принимал комплименты, в общем, никуда не спешил.

В глазах потемнело. Стоячий воротничок накидки врезался в шею. От цитрусового аромата свежих пирожных запершило в носу.

Она вздохнула полной грудью и... схватила за свой спасательный круг.

«Цирцея, Нинель, думай о пляже. Жёлтый песочек. Белые барашки. Лазурное небо. Кабанчики! Или кто там у них ходит по пляжу?»

Почему-то вместо миниатюрных полосатых кабанчиков с забавными пяточками на пляже представились огромные свиньи в платьях таких же, как на барышнях, окружавших Эрима. Свиньи возлежали на шезлонгах с полосатыми матрацами и совали пятаки в бокалы с экзотическими коктейлями.

Вероятно, Нинель смогла бы взять себя в руки, но тут он её заметил.

– Ах, это вы, – сказал небрежно. – Ступайте на кухню, я скоро буду.

Ну, всё!

Из последних сил удерживая перед глазами красочную картинку райского пляжа, Нинель сцепила зубы, развернулась и вышла на улицу, а потом пошла по брусчатке, отсчитывая секунды. Досчитает до ста, потом позволит себе немножечко покричать.

Чуть-чуть.

Пять секунд, десять. Зубы скрипели. Ладно уж, тут хотя бы до пятидесяти продержаться! За спиной раздался звон колокольчиков и быстрые шаги.

– Немедленно вернитесь!

Нинель замедлилась, остановилась. Обернулась, ошеломлённая прозвучавшем в его голосе приказом. Мало того что он прилюдно пытался указать ей место на кухне, подумать только – ей, Нинель! Так ещё теперь позволял себе повышать голос! Он? На неё?!

Господин Бослонцев метал гром и молнии. Подойдя, он снова дёрнул головой, и снова локон живописно опустился ему на лоб.

– Что вы вообще себе позволяете? – воскликнула Нинель, сжимая кулаки. Поняла, что это выглядит не очень красиво, с усилием разжала пальцы, но те мгновенно скрючились назад, стоило представить на миг между ними шею Эрима. – Вы как со мной разговариваете? Что значит – идите на кухню? Я вам что, биот? Как вы смели прилюдно так со мной говорить? Да после такого я и близко к вам больше не подойду!

– Прекратите истерить! Я ничего такого ужасного не сказал. Попросил подождать на кухне.

– Попросил?!

– Именно! И не понимаю, отчего вы выскочили, словно фурия и побежали по улице. Вы всегда себя так ведёте?

– А вы?

– И чем же моё поведение вам не угодило?

– Тем, что вы напрасно тратите моё время?

– Я?!

– Да, вы!

– Потрудитесь объяснить.

– Если вы желаете любезничать с дамами – пожалуйста! Но могли бы предупредить, что очень заняты, и я не тратила бы своё время на дорогу сюда и обратно! Очень нужно мне торчать на кухне, пока вы там воркуете... кудахчете, как петух в окружении куриц!

Кто-то хихикнул.

Эрим оглянулся – на улице уже скапливались люди. У кафе стояли высыпавшие за ним следом девицы, из зоомагазина вышла хозяйка с собакой на поводке, да и прохожие зеваки останавливались в ожидании скандала.

– Прошу, продолжайте! – рукоплескал какой-то неопрятного вида толстяк. – Ну же! У вас потрясающая энергетика, дайте же нам подзарядиться.

Нинель тем временем тоже заметила, что они, мягко говоря, не одни. Поэтому, когда господин Бослонцев схватил её за руку и потащил обратно в кондитерскую, не сопротивлялась. Разве что совсем немного, да и то скорее из вредности.

Оказавшись в кухне, господин Бослонцев приказал Липучке запереть дверь, рывком развернул Нинель и, словно только заметив, отбросил её руку прочь.

– Я обещал вашей матери, что научу вас готовить и сдержу своё слово! А после этого езжайте к себе обратно и подтрунивайте над другими дураками! Найдите себе соседских мальчишек и изводите их своими насмешками! Я вам не по зубам. И ещё я собирался вам сообщить, да как-то руки не дошли. – Эрим вдруг выпрямился, поправил воротник и высокомерно заявил: – Я передумал вас целовать. Отдаю вам ваше слово обратно, можете считать себя свободной от своего обещания.

– Премного благодарна! – ядовито ответила Нинель. – Если что, это сарказм!

– Да неужели? А я-то поразился, что впервые услышал от вас хоть что-то приятное. Хоть какое-то спасибо за то, что учу единственному делу, которое для меня много значит. Хоть что-то!

Нинель снова открыла рот, но вдруг осеклась.

– Хоть что-то приятное? – пробормотала она.

Господин Бослонцев, словно породистый конь, вскинул голову и не потрудился отвечать. Его ноздри трепетали, а на виске билась жилка.

– Но разве я не говорила спасибо? Вы великолепный кулинар и этого даже не нужно доказывать. Думаю, это и так всем вокруг прекрасно известно, – неуверенно ответила она и сморщила лоб. Известно ведь?

Эрим тут же перестал обижаться, успокоился и смущённо откашлялся. Взглянул раз, другой, смягчился, после примиряюще сказал:

– Прошу прощения, если чем-то... В общем, предлагаю больше не ругаться из-за пустяков.

– Согласна, – очень быстро ответила Нинель. Ей не вовремя пришло в голову, что она, действительно, ни разу не сказала ему спасибо. Пользуется его знаниями и умениями, будто ей чем-то должны.

Нужно будет обязательно поблагодарить его за труды!

Потом. В конце. Наверное.

Когда будет уже безопасно.

Правда, вместе с тишиной вернулась робость. Нинель отчего-то снова боялась слишком пристально смотреть на него, а стоило забыть и кинуть украдкой взгляд, как она немилосердно краснела.

Урок шёл вкривь и вкось. Оба были словно неуклюжие болванчики – то одновременно хватались за одну и ту же банку или ложку, а после отдёргивали руки, словно обожглись; то замирали, хлопая глазами, словно зависали в пространстве; то и вовсе отходили друг от друга подальше, пытаясь сделать вид, будто ничем не смущены.

В общем, мороженое, на которое Виола возлагала главные надежды в плане летних продаж, не вышло. В текстуре попадались кристаллы льда, а вкус горчил. И самое невероятное – даже господин Бослонцев со всем своим немалым опытом не смог понять, что, как и когда пошло не так. Все продукты были свежими и натуральными, Нинель лично попробовала, а вкус натуральных качественных сливок и масла она не могла спутать ни с чем другим. Значит, дело было не в ингредиентах. Но тогда в чём?

Из-за неудачи урок завершился раньше времени. Оба находились в унылом настроении, а от невозможности смотреть друг на друга и говорить свободно настроение становилось только хуже.

Отправившись домой, Нинель сердито пинала маленькие камешки на дороге и пыталась придумать, что ей делать со всем этим свалившимся на голову безобразием. Голова, однако, начисто отказывалась думать. Вокруг плавал сладкий туман. Губы болели, хотя Нинель каждое утро и вечер смазывала их целебным маслом редкого растения ибруса. Руки дрожали.

Это словно болезнь какая-то, думала Нинель, смотря себе под ноги, потому что даже ногам не доверяла. Вдруг они надумают закрутиться в крендель и уронить её на землю? Она ничуть не удивится!

– Эй, девушка!

Нинель подняла голову, только когда в поле зрения показались щегольские ботинки с белыми носами. Их обладателем оказался лысоватый малый с широкой искусственной улыбкой и подбитым глазом.

– Эй, красавица, – сказал он. – Тут утром, говорят, скандальчик был. С участием кулинарной звезды господина Бослонцева и какой-то неизвестной девицы. Не видела случайно?

У типа на шее висела стилизованная под фотоаппараты прошлого Ф-лаборатория, которая и сейчас вела высококачественную съёмку места с пяти точек.

Журналист. Охотник за жареным. Акула без зубов, судя по глазу.

Нинель вздохнула.

– Нет, я не видела.

И снова побрела дальше, внутренне поражаясь самой себе. В прошлом она бы с радостью воспользовалась возможностью и провела бы с этим типчиком содержательную беседу,

из которой наверняка извлекла бы какую-нибудь пользу – хотя бы повеселилась. Сейчас же просто проигнорировала сей чудесный шанс.

– Точно не видела? А может, знаешь, где узнать?

– Спросите в кондитерской, – машинально махнула рукой Нинель. – Там всегда полно девиц. Битком набито.

И повторно вздохнув так грустно, что только крайне чёрствый человек остался бы равнодушным и не прослезился, она поплелась дальше.

И не видела, как в глазах журналистки вследствие её неосторожных слов разгорается безжалостное и всепоглощающее пламя сенсации.

Остаток дня прошёл в печали. Готовить невкусное мороженое не хотелось, так что семейство Маяковых осталось без десерта. Но лучше видеть разочарование на лицах мальчишек, чем лишиться капиталовложений господина Маякова, а после мороженого подобного качества такое вполне могло произойти.

Когда позже, промаявшись со скучной книгой ещё с часик в гостиной, Нинель собралась спать, Вера пригласила её выпить перед сном чаю.

Чаю не хотелось, но сидеть в комнате и прокручивать в голове бесконечную вереницу изображений и слов Эрима, было ещё хуже. Когда Нинель успела так забить себе голову? Господин Бослонцев, словно захвативший душу демон не желал изгоняться ни молитвой, ни угрозой, ни приказом. Он плотно занял нишу в мыслях Нинель и это, мягко сказать, угнетало.

– Сегодня больше часа проговорила с Виолой. – Сказала Вера, разливая в миниатюрные чашечки душистый янтарный чай. Запах поплыл умопомрачительный, так что Нинель даже обрадовалась, что согласилась почаёвничать. Оказывается, это то, что нужно, когда все чувства в раздрае.

– Всё расспрашивала про семейство Удоновых, особенно про Лирана. Мой Костик с ним иногда сталкивается по роду службы, так что наслышан. И вот что я скажу, Нинель, – Вера очаровательно порозовела и прошептала. – Твоя мать собирается превратить Лирана в своего зятя!

Вероятно, она ждала какой-то значимой реакции, однако Нинель только и хватило на то, чтобы пожать плечами.

– Ничуть не удивлена.

– Вот как. – Вера даже обиделась.

– Не переживайте, просто это давно не секрет. Мама решила, что нас пора выдавать замуж и с упорством, достойным лучшего применения, принялась отбирать лучших представителей мужской половины человечества. Лиран соответствует всем запросам, так что я не удивлена. А она не сказала, кому его собирается... предложить?

– Предложить? – Вера расхохоталась. – Словно презент какой-то или выгодную покупку. Впрочем... кажется, Марии. Но я не уверена, возможно, что-то спутала. Но определённо единственное имя, которое сестра упомянула в разговоре, это Мария.

– Не понимаю, отчего мама вообще втемяшила себе в голову, что нам необходимы мужья, – пробурчала Нинель. – Нам, может, и без них прекрасно жилось.

– Ну, в чём-то ваша мама права, – Вера мечтательно улыбнулась. – Семья приносит много радости. А Виола, как любая женщина, которая счастлива, уверена, что и другие непременно должны быть так же счастливы. И если она хочет для дочерей самого лучшего, то без счастливого замужества никак не обойтись.

– Вроде какая-то логика в этом есть, – нехотя признала Нинель. – Однако насильно мил не будешь!

– Тебе пока не о чем волноваться, – уверила Вера, блеснув глазами. – За тебя Виола вряд ли рискнёт взяться.

– Думаете, пожалеет меня?

– Скорее, твоего будущего мужа.

Комплимент прозвучал сомнительно, но худо-бедно Нинель его переварила. Это намёк на силу её характера, без вариантов!

Допив чай, обе разошлись по комнатам.

Следующим утром неожиданно пришло сообщение от господина Бослонцева, где он в изысканных выражениях просил прощения и отсрочки – не мог сегодня с ней увидеться. Нинель ощутила раздражение, недовольство и какое-то еле уловимое облегчение. Отвечать не стала, только сделала пометку «прочитано».

Целый день проиграла в виртуальную игрушку. Развила на чужой планете колонию инопланетян, потом развела их по обе стороны реки и заставила друг с другом воевать. Однако в конце пожалела, всё-таки её собственное детище – заключила пакт о перемирии и закрыла игру, чтобы больше никогда к ней не возвращаться.

Вспомнила, как Яу однажды посетовала, что, может, они создали разумную расу и бросили, а она там развивается дальше офлайн без своего создателя. И что, возможно, людей тоже кто-то создал от скуки.

Впрочем, такие сложные философские размышления были не в духе Нинель. Всё, к чему сводились её собственные мысли – Цирцея в ближайшем будущем и финансовая независимость в дальнем.

Следующим утром идти никуда не хотелось. Но её ждала кондитерская, урок и... ещё кое-кто.

Нинель почти заставила себя одеться попроще, почти оттянула за шкурку от зеркала и убедила, что нечего наряжаться для... неизвестно для чего.

Настроение было непонятным. То приступ невнятной грусти, то – лихорадочного веселья. То ужасно не хотелось высовывать нос из дому, куда-то идти, с кем-то говорить, а через миг уже хотелось бежать со всех ног по улице и улыбаться всем встречным.

Просто проклятие какое-то!

В особо острый момент Нинель даже подумала, что всё, хватит с неё! Сейчас соберётся и отправится обратно на ферму. Помрачение было таким стойким, что даже вызванная из памяти картинка солнечной Цирцеи не возымела обычного своего действия. Однако через несколько секунд, за которые из кладовки был вытасчен чемодан, всё так же стремительно прошло.

Устав метаться, Нинель резко успокоилась. Всё! Она дойдёт до конца или будь она проклята! Вернее, или будь она нищая и работай круглые сутки без отпуска и выходных! А, нет, не устраивает такой результат? Тогда она доучится и составит меню – пальчики оближешь. Или она не она!

И пошла.

Девушки по-прежнему оккупировали столики в кондитерской. Казалось, они стали ещё милее и краше. Однако Эрима среди них не было, отчего сердце Нинель дёрнулось и плеснулось, как рыба, вытасченная из воды.

Это было ужасающее, страшное ощущение, будто внутри появилось нечто живое, требующее бесконечного ухода и внимания, но она нахмурилась и твёрдой поступью вошла на кухню, где уже ждал господин Бослонцев. Он просматривал какой-то ролик на экране, включённом Липучкой.

– Доброе утро, Нинель. – Отвлёкся всего на секунду, чтобы тепло поздороваться и улыбнуться. – Вот, проверяю, пытаюсь понять, в чём причина позавчерашней неудачи. И не могу

вспомнить ничего необычного. В любом случае сегодня вы побудете зрительницей. Садитесь, где вам будет удобно, и следите – я буду готовить. Малиновый шербет и сливочный пломбир.

Нинель даже спорить не стала, забралась на высокий стул, положила руки на коленки и стала наблюдать.

Смотреть на него было очень приятно. Эрим так увлёкся процессом, что то и дело забывал сопровождать свои действия объяснениями. Впрочем, процесс был крайне простой, так что особые объяснения не требовались. Нинель смотрела на него и еле дышала. Смотрела, как двигаются его губы, как дрожат крылья носа и смыкаются ресницы. Как от улыбки смягчаются щёки.

А плечи? Как бугрились мышцы, когда он двигался по кухне. А руки? Как его пальцы уверенно работали с продуктами, как осторожно отмеряли сахарную пудру и как крепко держали работающий блендер.

Наверное, она смотрела бы и сутки, и двое, и даже дольше.

Но вот пломбирная масса была помещена в мороженщицу, а малиновое пюре было очищено от косточек и готово к взбиванию. Впереди было самое интересное – снятие проб. Возник немаловажный вопрос – его губы, испачканные малиной, станут ли ещё более прекрасными?..

И тут идиллия закончилась.

– Эрим!

Раздались дробные шаги, которые быстро приближались к кухне и женский голос требовательно повторил:

– Эрим! Ты здесь? Почему ты мне не отвечаешь?

Девичам из кондитерской было запрещено появляться на кухне, Эрим рассказал, что у него даже установлена система наблюдения – человек без разрешения не может войти в подсобные помещения, иначе сработает сигнализация. Только поэтому их занятия проходили уединённо.

Однако эта женщина спокойно вошла. Раньше, чем Нинель до чего-либо додумалась, господин Бослонцев бросил миску с малиновым пюре и повернулся к входу.

– Мама?

Судя по голосу, такого посетителя он не ждал.

– Да, это я.

Женщина появилась на пороге. Она была в возрасте, вероятно, чуть старше Виолы и выглядела крайне неприветливо. Волевое, суровое лицо, прямая спина, массивная фигура – словно генерал на плацу. При этом, как ни странно было это признавать, казалась очень даже женственной. Вероятно, потому, что была блондинкой в аккуратной шляпке и с умеренно накрашенным лицом.

При виде сына госпожа Бослонцева удовлетворённо улыбнулась.

– Вот ты где. Мы должны поговорить. Немедленно!

Женщина окинула взглядом кухню и задержалась на Нинель. Та, подумав, слезла со стула и присела в коротком реверансе. Тогда госпожа Бослонцева величественно кивнула в ответ и снова обратилась к сыну:

– Я займу тебя ненадолго. Прошу, проводи меня в кабинет.

– Конечно.

Что испытывает Эрим от неожиданной встречи с матерью, Нинель не поняла. Она стояла у стола, не зная, как поступить.

– Нинель, прошу прощения, но мы вынуждены прерваться. Дайте мне несколько минут. Мама, пойдём.

Когда все скрылись с глаз, стало очень тихо. И скучно. И непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.